

Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа *

Андрей Коротаев

PhD, доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Главный научный сотрудник, Институт Африки Российской академии наук
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Даниил Романов

Стажер-исследователь, лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: dm.romanov@me.com

Илья Медведев

Стажер-исследователь, международная лаборатория демографии и человеческого капитала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Адрес: пр. Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: semyonkot@yandex.ru

В статье представлен анализ влияния событий «арабской весны» 2011 года на дестабилизацию в Восточной Европе, в том числе на подъем протестной активности. Показываются элементы сходства протестов в Восточной Европе с протестами периода «арабской весны», анализируются способы заимствования паттернов дестабилизации. Волна протестной активности после 2011 года сравнивается с предыдущей, инициированной мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 годов. Помимо внешнего фактора «арабской весны» обсуждаются внутренние факторы протестной активности второй волны финансово-экономического кризиса, связанного с экономическим кризисом в Португалии, Италии, Испании, Греции. Выделяются наиболее характерные формы дестабилизации для Восточной Европы: антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки, террористические действия, партизанские действия. Анализируется вклад украинской революции в 2014 году в динамику насильственных форм протеста в Восточной Европе. Объясняя особый случай Украины, выбивающийся из общего тренда Восточной Европы, авторы показывают, что данная страна в период 2013–2014 годов переходит от менее насильственных факторов дестабилизации (антиправительственные демонстрации и массовые беспорядки) к более насильственным (повстанческие действия и террористические атаки), что является

© Коротаев А. В., 2019

© Романов Д. М., 2019

© Медведев И. С., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-1-56-106

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

уникальным для Восточной Европы рассматриваемого периода, но имеет много закономерных параллелей в глобальном масштабе.

Ключевые слова: «арабская весна», Восточная Европа, политическая нестабильность, антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки, повстанческие действия, террористические атаки, индексы дестабилизации CNTS

Несмотря на то что события 2011 года, начавшиеся с падения авторитарных режимов Зин аль-Абидина Бен Али в Тунисе и Хосни Мубарака в Египте, кажутся теперь достаточно отдаленными, их влияние на социально-политическую обстановку в разных регионах мира изучены достаточно слабо. Мы полагаем, что не стоит недооценивать дестабилизирующий потенциал «арабской весны». Например, Дж. Хаммонд показывает, что именно последствия «арабской весны» привели к распространению протестного движения *Оссиру* по всему миру (Hammond, 2015), а ведь это протестное движение в 2011–2012 годах фиксировалось исследователями в таких странах, как США, Великобритания, Германия, Норвегия, Канада, Малайзия, Австралия, Новая Зеландия, Непал, Кипр, Гана, Нигерия, Исландия, Южная Африка, Россия (Kerton, 2012; Danjibo, 2013; Currie, 2012; Breaux, 2014; Erde, 2014). Кроме того, в данный временной период протестами оказались охвачены Испания, Португалия, Греция, Италия, Албания, Малави, Китай, Индия, Мальдивские острова, Шри-Ланка, Иран, Мексика, Боливия, Чили, Азербайджан и многие другие страны (Charnock, Purcell, Ribera-Fumaz, 2014; Erdogan, 2013; Fadaee, Schindler, 2014; Greene, Kuswa, 2012; Gunter, 2013; Hoesterey, 2013; Iranzo, Farne, 2013; Jensen, Bang, 2013; Kerton, 2012; Musthaq, 2014; Pickerill, Krinsky, 2012). Таким образом, можно предположить, что «арабская весна» стала не только значительным событием в истории стран Ближневосточного региона, но и сыграла роль триггера дестабилизации во многих уголках планеты. Проведенные нами статистические расчеты показали, что в разных регионах в 2011–2015 годах по сравнению с 2000-ми взрывообразно увеличилась интенсивность таких проявлений социально-политической дестабилизации, как антиправительственные демонстрации (в 6,5 раза), массовые беспорядки (в 8 раз), политические забастовки (в 4 раза), теракты (в 30 раз) и политические репрессии (в 14 раз) (Коротаяев, Мещерина и др., 2016; Korotayev et al., 2018). «Арабская весна» стала триггером для начала реконфигурации мир-системы, а её «эхо» значительно превзошло по своим масштабам сами ее события (Коротаяев, Шишкина, Исаев, 2016; Коротаяев, Мещерина и др., 2017; Коротаяев, Шишкина, Лухманова, 2017; Grinin, Korotayev, 2011, 2012; Akaev et al., 2017; Ortmans et al., 2017; Grinin, Korotayev, Tausch, 2019).

Стоит подробнее остановиться на описании механизмов влияния «арабской весны» на различные регионы планеты. Например, в связи с движением *Оссиру* стоит упомянуть о заимствовании им методов ведения протестов. Это занятие большой территории многочисленной группой протестующих на очень длинные промежутки времени, наличие схожих требований (социальная справедливость,

экономическое равенство) и схожего демографического состава (с особой ролью неустроенной образованной молодежи). Также были задействованы социальные сети в качестве инструмента мобилизации протестующих (Hammond, 2015; Skinner, 2011; Zogby, 2011; Lotan et al., 2011). В частности, Скиннер отмечает, что стратегия использования хештегов для координации протестующих и донесения информации во внешний мир была заимствована у арабских активистов зарождающимся движением *Оссиру* в Америке, а затем с ростом популярности самого движения распространилась по всему миру (Skinner, 2011). Анастасия Кавада исследовала специфику организации современных протестов на примерах «арабской весны», движения *Оссиру* и греческих беспорядков. Выделяя заметную ныне тенденцию к переводу коммуникации и организации митингующих в интернет, она отмечает, что митингующие не только оглядывались на опыт успешных протестов в других странах, но и имели возможность непосредственно контактировать с их участниками (Kavada, Dimitriou, 2017; Kavada, 2015, 2017). Как пример активного использования интернета при организации и освещении демонстраций стоит выделить недавний пример революции в Армении, где страница на сайте Facebook стала одной из главных площадок по организации митингующих (Epress.am, 2018). Как и «арабская весна», движение *Оссиру* получило широкое одобрение населения (Kohut, 2011). Ибрагим Шариф, исследуя использование термина «арабская весна» в американских СМИ, отмечает, что в них в преддверии начала движения *Оссиру* значительно повысилось внимание ко всему связанному с «арабской весной». Он также показывает, как массовые протесты на площади Тахрир повлияли на стремительную организацию движения *Оссиру* (Abusharif, 2014). Энн-Мари Слотер, проводя анализ интервью с участниками движения *Оссиру* в Америке и Европе, находит две линии связи между событиями в Америке и арабском регионе. Первая заключается в том, что основатели движения *Оссиру* во многом вдохновлялись видимыми успехами арабских протестов. Вторую линию связи она обнаруживает в структуре и содержании построения лозунгов арабских и американских манифестантов (Slaughter, 2011). Движение *Оссиру*, во многом вдохновленное событиями «арабской весны», получило распространение не только на территории США, но и во многих других регионах, оно образует целое, которое в различных сферах и по различным причинам (в зависимости от страны) широко использовало антиглобалистскую и антиправительственную риторику (Gamson, Sifry, 2013; Bogaert, 2011, 2013).

Поскольку регион Восточной Европы¹ также является частью мир-системы, мы бы хотели более детально посмотреть на то, как эхо «арабской весны» отразилось на этом регионе, ведь движение *Оссиру* затронуло и его. Так, подобное наблюдалось в Словении (24.com, 2011), Чехии (Occupy Klárov) (Denik.cz, 2011), Армении (Mashtots Park Movement) (A+1, 2012), Хорватии (Zekic, 2011), Боснии и Герцеговине

---

1. Мы включаем в данный регион следующие страны: Россия, Украина, Беларусь, Польша, Венгрия, Грузия, Сербия, Литва, Латвия, Эстония, Чехия, Словения, Словакия, Румыния, Молдова, Македония, Косово, Хорватия, Болгария, Босния и Герцеговина, Армения, Албания, Черногория, Азербайджан.

(Radio Sarajevo, 2011), Эстонии (Fillipov, Smutov, 2011), Косово (Rexhepi, 2011), Македонии (Alfa.mk, 2011), Румынии (Waits, 2011), Сербии (Blic.rs, 2011), Словакии (Sme.sk, 2011) и, наконец, в нашей стране («ОккупайАбай», «Оккупай Старая площадь») (Эхо Москвы, 2012). Наш интерес к связи между событиями «арабской весны» и волной дестабилизации в разных странах Восточной Европы обусловлен также и тем, что, как правило, исследователи, изучающие протестные движения, революции, антиправительственные демонстрации и другие формы социально-политической дестабилизации, объясняют возникновение подобных событий внутренними процессами, протекающими в этих странах, не учитывая дестабилизирующий потенциал «арабской весны». Чаще всего в качестве переменных, объясняющих возникновение явлений социально-политической дестабилизации, выступают показатели, отражающие социально-экономический, технологический или политический уровень развития региона, например, значение средних подушевых доходов (Olson, 1963; Huntington, 1968; Korotayev, Issaev, Zinkina, 2015; Korotayev, Vaskin et al., 2018; Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017b; Коротаев, Васькин, Билюга, 2017), уровень неравенства в стране (Sigelman, Simpson, 1977; Korotayev, Grinin, Bilyuga et al., 2017), уровень безработицы (Barber, 2003; Beissinger, Jamal, Mazur, 2015; Jones, Rodgers, 2011; Gil-Alana, 2003; Коротаев, Хохлова, Цирель, 2018), этнолингвистическая фракционализация (Montalvo, Reynal-Querol, 2002; Малков и др., 2013), концентрация населения в большом городе/столице (DeNardo, 2014; Dowe, 2001; Tilly, 2003; Korotayev, Zinkina et al., 2011), доля молодежи в общей численности населения (Goldstone, 2011, 2017; Urdal, 2004; Коротаев, Зинькина, 2011; Коротаев, Малков, 2014; Романов и др., 2018), уровень образования (Brockhoff et al., 2015; Elbakidze, Jih, 2015; Korotayev, Bilyuga, Shishkina, 2018; Коротаев, Билюга, Шишкина, 2017a; Замятнина, 2017; Васькин и др., 2018), тип режима (Goldstone et al., 2010; Slinko et al., 2017; Beehner, 2018), а также природные (Малков и др., 2017; Коротаев, Гринин, Исаев и др., 2017), географические (Соболев, 2013) и даже социально-психологические факторы — связанные с чувством фрустрации и относительной депривации у населения (Davies, 1962; Gurr, 1970; Di Stefano et al., 2017; Grinin, Korotayev, 2016; Grinin, 2018; Назаров, 1995; Урнов, 2008; Гринин, 2017). Иногда это цены на продовольствие (Arezki, Brückner, 2011; Lagi et al., 2011; Иванов, Шишкина, 2018), на нефть для стран — экспортеров нефти (Smith, 2004; Korotayev, Bilyuga, Belalov et al., 2018) или определенные ценностно-идеологические предпосылки (Bagheri, Shafie, 2017; Яшлавский, 2018; Коротаев, Цирель и др., 2019).

Не умаляя достоинств альтернативных объяснительных моделей, в рамках нашей работы мы бы хотели обратить внимание на потенциал «внешнего» фактора «арабской весны» для объяснения социально-политической дестабилизации в Восточной Европе. Существуют свидетельства т.н. диффузии (*diffusion*) коллективного действия, суть которой в том, что различные паттерны могут распространяться между социальными движениями (Bunce, Wolchik, 2006; Kuzio, 2006; Beck, 2014; Korotayev, Meshcherina, Shishkina, 2018; Гринин и др., 2016). Это могут быть цели мобилизации, идеи, формы организации, тактики, типы действия, основные

стратегии и информация о последствиях мобилизации. М. Бессинджер, называющий диффузионные явления «модулярными феноменами» (*modular phenomena*), утверждает, что в странах, имеющих схожее историческое прошлое, институциональную структуру и/или политическую культуру, политические акторы могут проводить аналогию с успешными случаями протестов/революций и заимствовать стратегии поведения. В частности, автор объясняет революции в Грузии, Украине, Киргизии, электоральные протесты в Беларуси и России в начале 2000-х годов, а также подъем национальных движений в конце 1980-х годов в СССР именно распространением этого эффекта, который выразился в заимствовании тактик ведения протестов и неформальных связей между протестующими в данном регионе (Beissinger, 2002, 2007). При этом, как правило, заимствуются паттерны, доказавшие свою успешность (Weyland, 2009). Возможность успеха протестов/революций тем не менее зависит от структурных условий государства, в котором действуют протестующие. К таким факторам можно отнести ускоренную урбанизацию, увеличение доли молодежи в общей численности населения (так называемый «молодежный бугор»), внутриэлитный конфликт, делигитимацию политического режима, стремительный рост цен на продовольствие, этническую фракционализацию и т. д. (Beissinger, 2007; Beck, 2011; Goldstone, 1991; Montalvo, Reynal-Querol, 2002; Hendrix, Haggard, Magaloni, 2009; Цирель, 2012; Малков и др., 2013). Другие исследователи обращают внимание на фактор новых медиа (Myers, 2000; Andrews, Biggs, 2006; Коротаяев, Романов и др., 2018), способствующих диффузии коллективного действия.

Как мы уже говорили выше, не стоит также недооценивать влияние прямых контактов между протестующими из разных стран. В качестве характерного примера можно привести активистов сербской оппозиционной молодежной организации «Отпор», возглавивших «бульдозерную революцию» против режима Милошевича в 2000 году в Сербии. Они имели прямые контакты с активистами движения Kmara! («Довольно!»), совершившими² «революцию роз» в 2003 году в Грузии. Грузинское движение даже переняло свою эмблему (сжатый кулак) у сербских активистов, этот же символ был заимствован египетским движением «Молодежь 6-го апреля», белорусским движением «Зубр», российским протестным молодежным движением «Оборона» и т. д.³ В свою очередь, участники движения «Пора», внесшие огромный вклад в успех «оранжевой революции» 2004 года на Украине, также учились у сербских и грузинских активистов, как агитировать избирателей, планировать массовые действия. Участники движения «Келкел» («Возрождение»), организовавшие «тюльпановую революцию» в 2005 году, вдохновлялись примером Грузии и Украины. Похожие движения, имевшие связи с активистами из

---

2. Характерно, что появившееся в то же время в Египте протестное движение взяло себе аналогичное название «Кифайа!», что значит «Довольно!».

3. Парадоксальным образом «антикоммунистическое» движение «Отпор» позаимствовало свой символ у германского коммунистического боевого формирования «Союз красных фронтовиков — Рот Фронт».

Грузии, Сербии и Украины, возникали в России («Walking without Putin»), в Беларуси («Зубр»), в Азербайджане, Казахстане, Албании, Молдове (Baissinger, 2007: 261–262; Kuzio, 2006).

Имеются основания полагать, что «арабская весна» выступила триггером дестабилизации как на глобальном, так и на восточно-европейском региональном уровне благодаря эффектам, схожим с теми, которые описывают авторы теории «модулярной революции».

Эмпирический анализ дестабилизации в Восточной Европе

Для измерения уровня социально-политической дестабилизации мы используем индикаторы базы данных Cross-National Time-Series (CNTS) Data Archive. Эти индикаторы включают политические убийства, правительственные кризисы, репрессии, «партизанские действия»/крупные террористические акты, политические забастовки, беспорядки, перевороты⁴, антиправительственные демонстрации (Banks, Wilson, 2018). Сама база включает 15 918 наблюдений по 199 странам по 200 переменным за период с 1919 по 2017 год. Для дополнительной операционализации понятия «социально-политическая дестабилизация» мы используем такие индикаторы, как число террористических актов и количество их жертв, которые отражены в базе данных Global Terrorism Database (START, 2018). Эта база данных состоит из 45 переменных и более чем 170 000 наблюдений за период с 1970 по 2016 год. Мы будем рассматривать период с 1992 по 2016 год. При этом особый интерес для нас представляет период с 2011 года — после начала «арабской весны». Также в ходе работы мы обращаемся к базе данных Mass Mobilization Data Project (2016), которая содержит данные о протестах в 162 странах в период с 1990 по 2014 год (Clark, Regan, 2018).

Для большей наглядности мы приводим данные по Восточной Европе в сравнении с наиболее близким регионом — Западной Европой, а также с регионом, испытавшим наибольшее влияние «арабской весны», — Ближним Востоком. В некоторых случаях мы рассматриваем Восточную Европу с учетом Украины или без нее, потому что для данной страны в указанный временной период характерны некоторые особые формы дестабилизации, резко выделяющие её из общего восточно-европейского фона (Mitrokhin, 2015; Matsuzato, 2017).

Рост социально-политической дестабилизации в странах Восточной Европы после 2010 года анализировался по следующим индикаторам: антиправительственные демонстрации, беспорядки, террористические акты и повстанческие действия. Сколь-нибудь значимого роста дестабилизации по таким показателям, как политические убийства, перевороты и попытки переворотов, репрессии и политические забастовки, в данном регионе не обнаружено, хотя заметен существен-

---

4. В самой базе данных этот индикатор обозначается несколько вводящим в заблуждение термином «Revolutions».

ный рост интенсивности политических забастовок после 2010 года в Западной Европе (Коротаев, Мещерина и др., 2016).

Динамика числа антиправительственных демонстраций

Рассмотрим сначала динамику интенсивности антиправительственных демонстраций в Восточной и Западной Европе, а также в арабских странах Ближнего Востока (см. рис. 1).

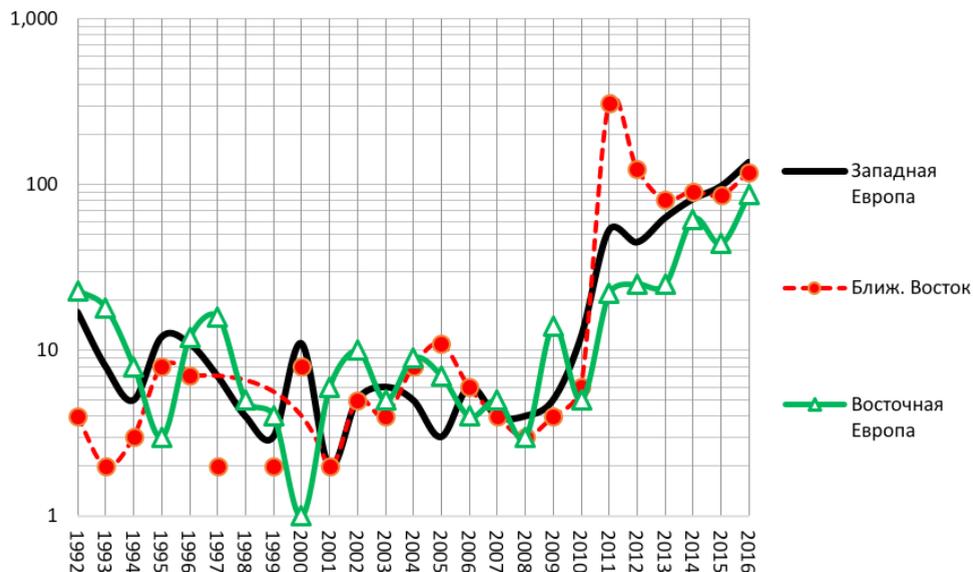

Рис. 1. Динамика числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных системой CNTS в период 1992–2016 гг. в Восточной и Западной Европе и арабских странах Ближнего Востока, логарифмический масштаб. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Авторы CNTS определяют «антиправительственные демонстрации» (*Anti-Government Demonstrations, domestic*) как «любые мирные публичные собрания, в которых принимают участие 100 человек и более, а в качестве основной цели проведения выступает выражение несогласия с политикой правительства или власти, за исключением демонстраций с выраженной направленностью против иностранных государств» (Wilson, 2017: 13).

Как мы видим, особо сильный рост числа антиправительственных демонстраций в 2011 году наблюдался на охваченном «арабской весной» Ближнем Востоке. В Западной Европе изменения были не такими резкими, однако число антиправительственных демонстраций в этом регионе, превысило соответствующий показатель по Восточной Европе более чем в 2 раза. При этом в 2011 году Западная Европа в свою очередь отставала по данному показателю от Ближнего Востока почти в 7 раз.

Обращаясь к данным по Восточной Европе, отметим почти двукратное увеличение количества антиправительственных демонстраций в 2009 году по сравнению с периодом 2005–2008 годов, после чего в 2010 году происходит снижение этого индикатора до минимального значения. Однако в 2011 году ставится новый локальный рекорд по количеству зафиксированных в Восточной Европе антиправительственных демонстраций, и данный показатель продолжает расти вплоть до 2014 года, после этого в 2015 году происходит падение и последующий рост в 2016 году.

Эта динамика достаточно сильно контрастирует с тем, что мы видим применительно к Ближнему Востоку. В 2013 году число зафиксированных системой CNTS здесь антиправительственных демонстраций резко (почти в 4 раза) сократилось по сравнению с 2011 годом, после чего в 2013–2015 годах оно стабилизировалось (новый рост числа антиправительственных демонстраций наблюдался здесь только в 2016 году). Вместе с тем западноевропейская динамика оказывается скорее ближе к восточноевропейской — и там и там после 2011 года прослеживается достаточно устойчивый рост числа антиправительственных демонстраций.

На рисунке 1 можно видеть, что значительный рост числа зафиксированных системой CNTS антиправительственных демонстраций в Восточной Европе наблюдался уже в 2009 году. Имеются основания связать подобный рост протестной активности с финансово-экономическим кризисом 2008–2009 года, ударившим по Восточной Европе сильнее, чем по любому другому региону мира (IMF, 2010). Статистика динамики ВВП в Восточной Европе позволяет говорить о том, что наиболее сильная рецессия наблюдалась здесь именно в 2009 году (см. рис. 2).

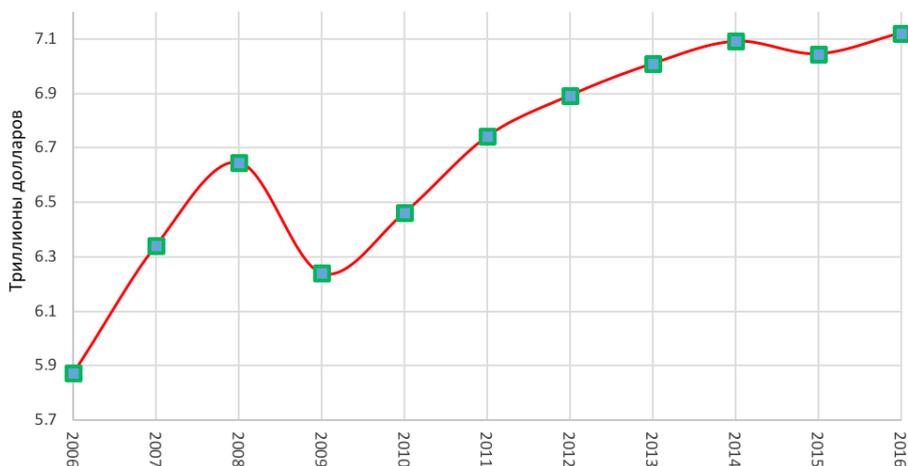

Рис. 2. Динамика ВВП в Восточной Европе в период 2006–2016 гг. в триллионах постоянных долларов США 2010 г. (Источник: World Bank, 2018)

Очевидно, что резкий экономический спад 2009 года способствовал скачку дестабилизации (Beissinger, Sasse, 2014). При этом наибольшее количество демонстраций в данном году было зафиксировано системой CNTS в России (5 случаев) и в Грузии (4 случая). Р. Роуз и В. Мишлер, анализируя последствия экономического кризиса 2008 года в российской политике, приводят статистику опроса поддержки российского политического режима среди граждан в 2009 году и сравнивают ее с поддержкой 2008 года. Исследователи отмечают, что поддержка режима упала на 10% (Rose, Mishler, 2010)⁵.

В 2010–2011 годах в регионе наблюдается выраженная экономическая стабилизация (см. рис. 2). В 2010 году средние темпы роста в Восточной Европе составили более 3,5%, в 2011 году — превысили 4% (см. рис. 8). В связи с этим не вызывает особого удивления, что в 2010 году в Восточной Европе наблюдался заметный спад протестной активности.

Финансово-экономический кризис 2008–2009 годов повлиял также и на рост других форм дестабилизации, включая правительственные кризисы⁶. Рассмотрим график динамики количества правительственных кризисов, зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе, начиная с 2003 года (рис. 3).

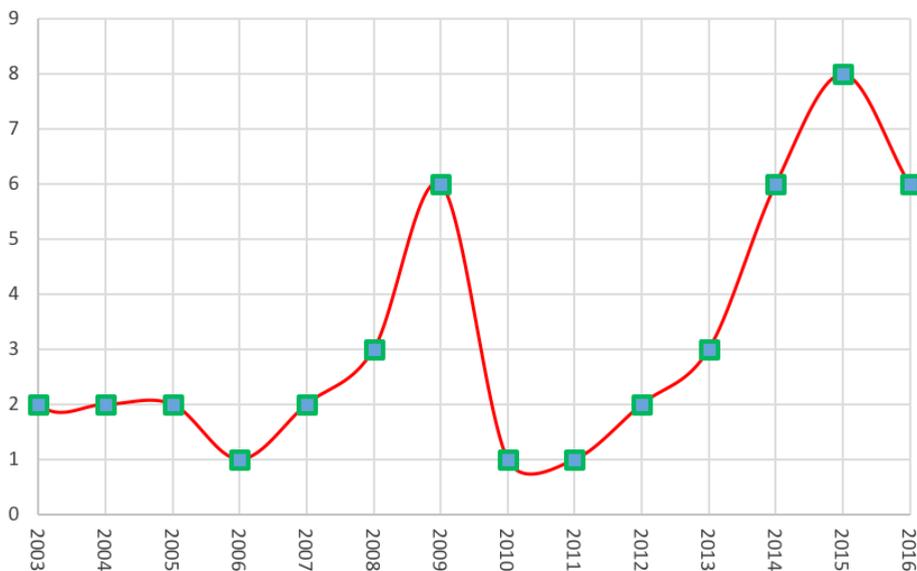

Рис. 3. Погодовая динамика числа правительственных кризисов, зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе в 2003–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

5. Хотя поддержка режима все еще осталась высокой: в 2008 году 84% респондентов поддержали режим, а в 2009 году — 74% (Rose, Mishler, 2010).

6. Авторы CNTS определяют «Правительственные кризисы» (*Government Crises, domestic*) как «любые ситуации, которые грозят привести к падению текущего режима, — за исключением вооруженных переворотов, напрямую направленных на это» (Wilson, 2017: 13).

Можно заметить, что в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 года в Восточной Европе наблюдался значительный рост числа и правительственных кризисов, достигших своего пика в 2009 году.

Сравнивая показатели антиправительственных демонстраций и правительственных кризисов, отметим, что после начала кризиса в 2008 году, к 2009 году растут показатели обоих графиков, ставя локальные рекорды периода нулевых годов (6 правительственных кризисов и 14 крупных антиправительственных демонстраций). Однако в 2010–2011 годах наблюдался период относительной экономической стабилизации, и в этот период действительно снизилось число правительственных кризисов. Число антиправительственных демонстраций в 2010 году также снизилось. Однако в 2011 году произошел резкий рост числа антиправительственных демонстраций и при этом был побит локальный рекорд.

Такой рост числа демонстраций в Восточной Европе в 2011 году уже никак нельзя связать с экономическим падением (рост ВВП в этот год превышал 4%), также правительственные кризисы не могли бы послужить толчком для роста демонстраций (в период 2010–2011 годов было зафиксировано всего два правительственных кризиса). Поэтому мы полагаем, что определенный вклад в стремительный рост числа антиправительственных демонстраций в Восточной Европе в 2011 году мог внести демонстрационный эффект «арабской весны», о чем мы уже писали в начале этой статьи.

Однако только демонстрационного эффекта было явно недостаточно для столь серьезного роста числа антиправительственных выступлений, который наблюдался в Восточной Европе (как, впрочем, и в большинстве других мир-системных зон) в 2011 году. Здесь стоит обратить внимание на то, что глобальный посткризисный восстановительный рост имел в 2010–2011 годах важное побочное последствие. Дело в том, что важнейшим драйвером этого восстановительного роста выступала проводимая ФРС политика количественного смягчения, накачивавшая ликвидностью как американскую, так и глобальную экономику. Образовавшийся в результате определенный избыток денежных средств, не находивших избыточного применения в еще не полностью вышедшем из кризиса реальном секторе, стал уходить в спекулятивные операции с разного рода активами, включая и *commodities* — нефть, медь, пшеницу, рис, сахар, кукурузу, растительное масло и т. п. В результате на товарных рынках стали надуваться новые «пузыри», превысившие по своим размерам пузыри 2007–2008 годов (см., например: Акаев и др., 2010; Акаев et al., 2011, 2012). В данном контексте для нас важно, что в результате во второй половине 2010 — начале 2011 года во всем мире, включая арабские страны и Восточную Европу, наблюдался взрывообразный рост цен на все базовые продукты питания (см. рис. 4).

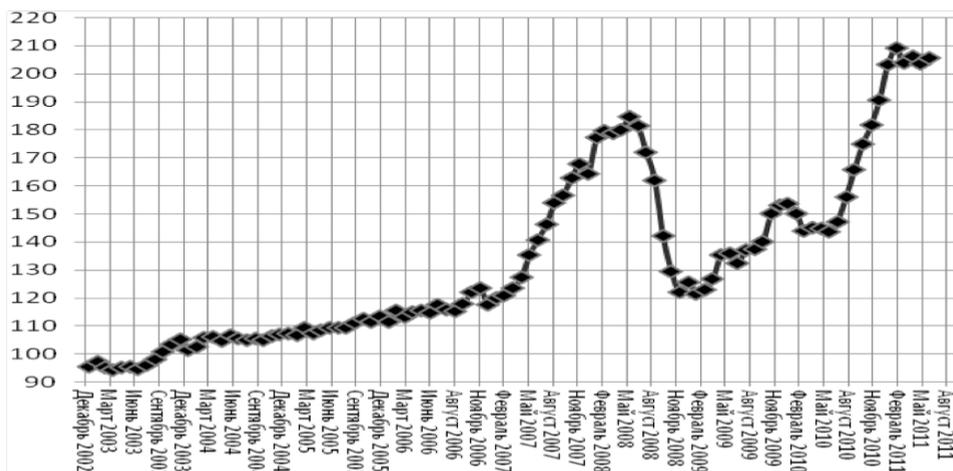

Рис. 4. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 г. = 100, с учетом инфляции), декабрь 2002 — август 2011 г. (Источник: ФАО, 2018)

С периода май-август 2010 года по февраль-май 2011-го (всего за полгода) рост цен превысил 40% (см. рис. 5). Это взрывообразное увеличение цен на продовольствие вызвало рост протестных настроений в большинстве стран мира.

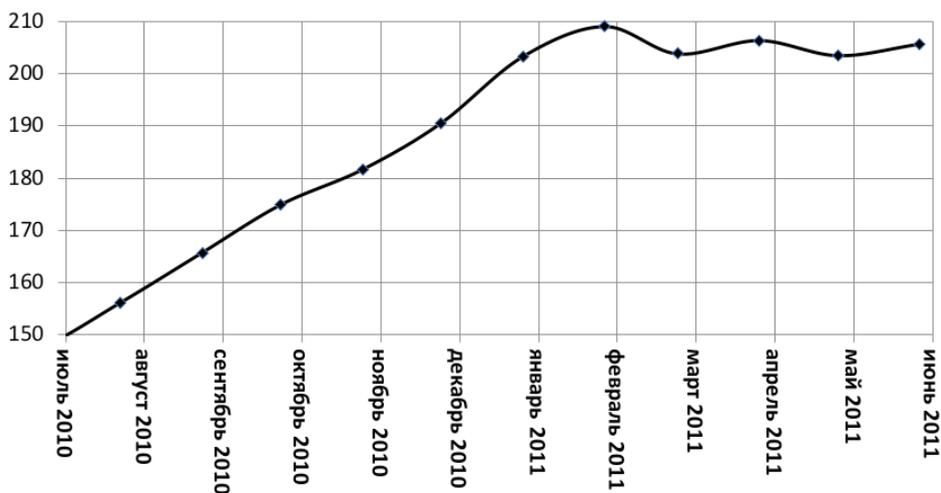

Рис. 5. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 = 100, с учетом инфляции), июль 2010 — июнь 2011 г. (Источник: ФАО, 2018)

М. Арезки и М. Брюкнер отмечают, что изменения цен на продовольствие значительно влияют на распространение и актуализацию антиправительственных настроений (Arezki, Brückner, 2011). Рассматривая примеры стран третьего мира, авторы считают, что повышение стоимости на продовольствие становится опасным, когда они заметны для населения. Имеются основания предполагать, что подобный механизм может работать и в странах второго мира. Так, на февраль 2011 года в России пришелся пик протестных настроений (см. рис. 6) на фоне обеспокоенности населения ростом цен (см. рис. 7).

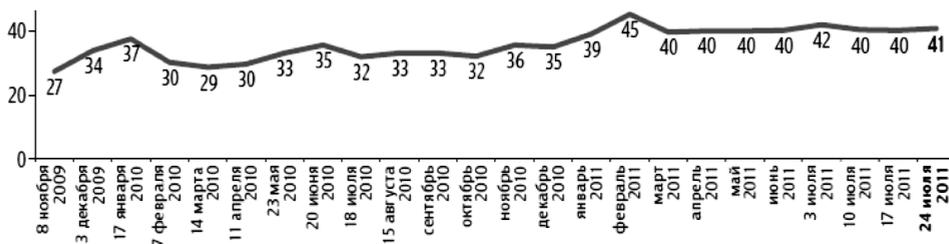

Рис. 6. Процент россиян, ответивших «Испытываю» на вопрос «Вы лично испытываете или не испытываете недовольство, готовность участвовать в акциях протеста?», данные в % от всех опрошенных, ноябрь 2009 — июль 2011 г. (Источник: ФОМ, 2011а)

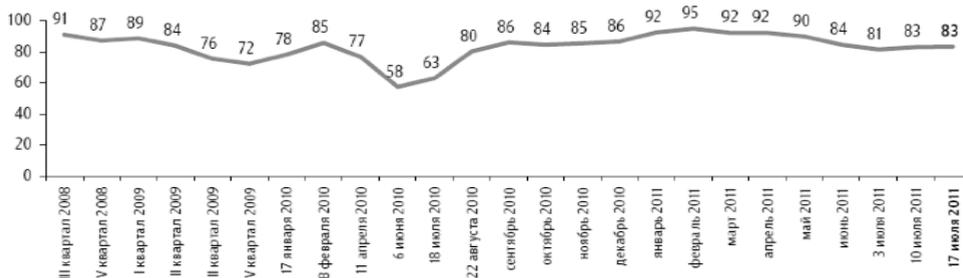

Рис. 7. Процент россиян, ответивших «Выросли» на вопрос «По Вашему мнению, за последний месяц цены на основные продукты, товары и услуги в целом выросли, снизились или почти не изменились?», данные в % от всех опрошенных, 2008 — июль 2011 г. (Источник: ФОМ, 2011б)

М. Лаги, К. Берtrand и Я. Бар-Йам описывают рост продовольственных цен как очень опасный фактор дестабилизации для государства, поскольку он делает продовольственный рынок сложно контролируемым; в свою очередь, различные спекулятивные процессы вокруг резких скачков цен на продовольствие могут значительно повышать недовольство граждан, создавая ложные тренды и чрезмерные увеличения цен (Lagi et al., 2011). Таким образом, имеются определенные ос-

нования утверждать, что вторая волна агфляции подготовила почву для развития антиправительственных настроений на территории Восточной Европы в 2011 году.

С другой стороны, мы полагаем, что «арабская весна», исходя из описанной выше диффузии коллективного действия, выступила в качестве триггера роста антиправительственных демонстраций. Благодаря новым медиа и т. п. граждане Восточной Европы перенимали паттерны ведения протестов у демонстрантов с Ближнего Востока.

После 2011 года в Восточной (как, впрочем, и в Западной) Европе наблюдалась тенденция к дальнейшему росту числа антиправительственных демонстраций (см. рис. 1). Проведя формальный *t*-тест для сравнения значимого различия средних по двум выборкам, мы можем сделать вывод, что существует статистически значимые различия между средними значениями за период с 1992 по 2010 год и значениями в период с 2011 по 2016 год⁷.

За период 2012–2016 годов нельзя явно выделить страну, которая вносила бы наибольший вклад в рост числа антиправительственных демонстраций. Так, в 2012 году лидировала Россия (7 случаев). Подобный рост дестабилизации связывается исследователями с выборами в Государственную думу в декабре 2011 года и президентскими выборами в 2012 году (Chaisty, Whitefield, 2013; Бызов, 2012). В 2013 году по количеству антиправительственных демонстраций лидировала Румыния (8 случаев), основной вклад в данный показатель внес правительственный кризис, продолжающийся с 2012 года (Украинская правда, 2012).

В 2014 году по количеству крупных антиправительственных демонстраций из-за событий на Майдане, запущенных приостановкой интеграции с Евросоюзом (Reuters.com, 2013; Цирель, 2015), лидировала Украина (15 случаев). В 2015 году Молдова (10 случаев), где большинство протестов было связано с ухудшающейся экономической ситуацией и коррупцией в финансовой системе страны (BBC, 2015). В 2016 году — Польша (15 случаев), одной из главных причин протестов в стране стала попытка Сейма ограничить права прессы в стране (Radio zet, 2016).

Значительное влияние на рост интересующего нас показателя в Восточной Европе после 2011 года могла оказать вторая волна финансово-экономического кризиса в Западной Европе, которая характеризовалась значительными экономическими проблемами — в первую очередь речь идет о так называемом кризисе PIGS, охватившем Португалию, Италию, Грецию и Испанию (Giannakis, Bruggeman, 2015). Экономический кризис быстро распространился по всей Европе, поскольку внутри еврозоны создано единое экономическое поле, быстро реагирующее на изменения в различных областях рынка, при этом все страны имеют автономные финансовые структуры, которые не позволяют быстро проводить Европейскому союзу единые централизованные меры по предотвращению такого рода проблем (Anand, Gupta, Dash, 2012).

---

7. Примечание: значение *t*-test: $t = -5,761, p << 0,001$.

Однако рынки Западной и Восточной Европы тесно связаны между собой, поэтому кризис в Западной Европе очень быстро распространился и на Восточную Европу, которая сильно зависима как от экспорта, так и от импорта из западноевропейских стран, включая сюда и импорт капиталов/финансовых ресурсов (Глинкина, Куликова, Синицына, 2014; Коротаев, 2014). В свою очередь, отголоски второй волны кризиса, по всей видимости, внесли заметный вклад в рост числа антиправительственных демонстраций как в Восточной, так и в Западной Европе, ибо и там и там количество демонстраций напрямую зависело от интенсивности влияния кризиса на страну (Grasso, Giugni, 2016).

Особо отметим, что вторая волна кризиса значимо повлияла на динамику количества правительственных кризисов. Как пишет С. В. Цирель, данный кризис значительным образом замедлил тот темп экономического роста (см. рис. 8), который наблюдался в 2010–2011 годах, что не позволило выполнить многие предвыборные обещания, в связи с этим значительно возросло недовольство властными структурами (Цирель, 2015; см. также: Коротаев, 2014).

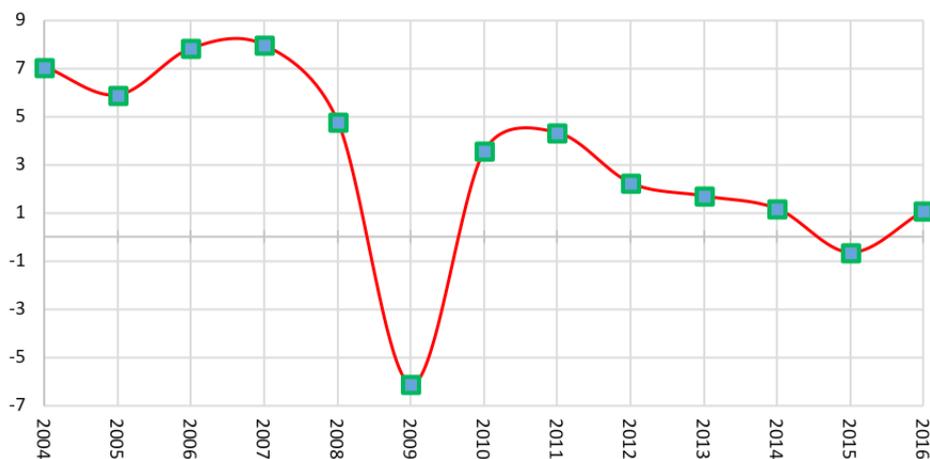

Рис. 8. Динамика годовых темпов роста ВВП в Восточной Европе в период 2004–2016 гг., % (Источник: World Bank, 2018)

И действительно, снижение темпов роста ВВП в период 2012–2015 годов напрямую отразилось на количестве правительственных кризисов: после 2011 года их количество начинает значительно расти. К 2015 году количество правительственных кризисов ставит локальный рекорд, достигая показателя в 8 случаев (см. рис. 3), одновременно с этим экономический спад также ставит локальный рекорд периода 2010–2016 годов, показав отрицательную динамику примерно в 1%.

Динамика массовых беспорядков

Очень показательными являются данные по динамике числа массовых беспорядков, зафиксированных системой CNTS на территории стран Западной и Восточной Европы, а также стран Ближнего Востока (см. рис. 9)⁸.

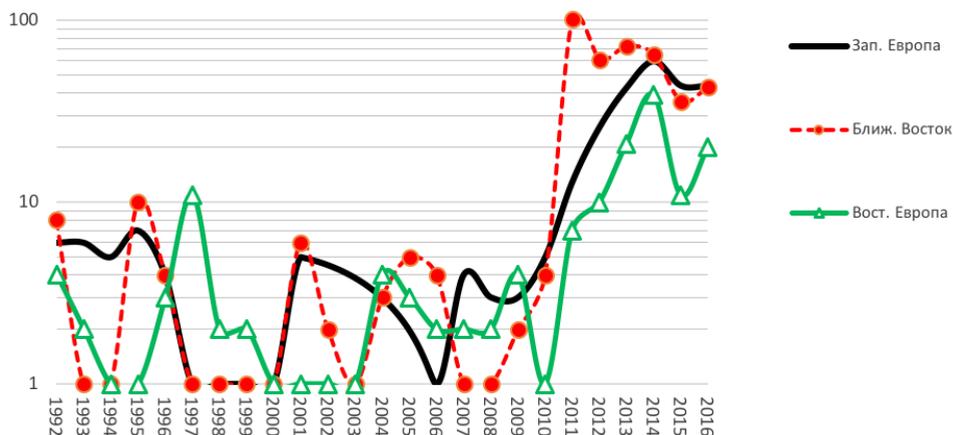

Рис. 9. Динамика количества массовых беспорядков в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 1992–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Можно видеть, что наиболее сильный рост числа массовых беспорядков в 2011 году наблюдался на охваченном «арабской весной» Ближнем Востоке; в Западной Европе этот рост был не таким резким, однако общее число беспорядков, зафиксированных системой CNTS в Западной Европе, превысило соответствующий показатель по Восточной Европе почти в 2 раза. При этом в 2011 году Западная Европа в свою очередь отставала по данному показателю от Ближнего Востока почти в 8 раз.

Заметный рост числа беспорядков наблюдался в 2011 году и в Восточной Европе. В период 2000–2010 годов число зафиксированных системой CNTS массовых беспорядков никогда не превышало 4 случаев в год. В целом динамика числа массовых беспорядков в Восточной Европе достаточно сильно напоминает то, что мы видели применительно к антиправительственным демонстрациям: в годы глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов — заметный рост числа как антиправительственных демонстраций, так и (в меньшей мере) массовых беспорядков. После начала посткризисного восстановительного роста в 2010 году наблюдалось значительное снижение числа и тех и других. В 2011 году в Восточной Европе применительно к антиправительственным демонстрациям этот рост был

8. Авторы CNTS определяют беспорядки как «выступления или столкновения, связанные с использованием насилия, в которых принимали участие более 100 граждан» (Wilson, 2017: 13).

значительно более выразительным, чем для массовых беспорядков, — основной формой протеста в 2011 году были антиправительственные демонстрации, число которых превысило случаи зафиксированных системой CNTS беспорядков более чем в 3 раза. После 2011 года число зафиксированных в Восточной Европе системой CNTS массовых беспорядков имело достаточно устойчивую тенденцию роста вплоть до 2014 года, когда он достиг максимального значения. Примечательно, что подобная динамика наблюдается после 2010 года и для стран Западной Европы.

Эта динамика находится в достаточно сильном контрасте с тем, что мы видим на Ближнем Востоке, где после 2011 года наблюдалась устойчивая тенденция к снижению числа фиксируемых системой CNTS массовых беспорядков.

Динамика числа терактов и повстанческих действий

Проанализируем теперь динамику индикаторов дестабилизации, связанных с особо выраженным использованием насильственных методов. Речь идет о «повстанческих действиях»⁹ и числе зафиксированных террористических актов.

Рассмотрим сначала статистику по повстанческим действиям (рис. 10):

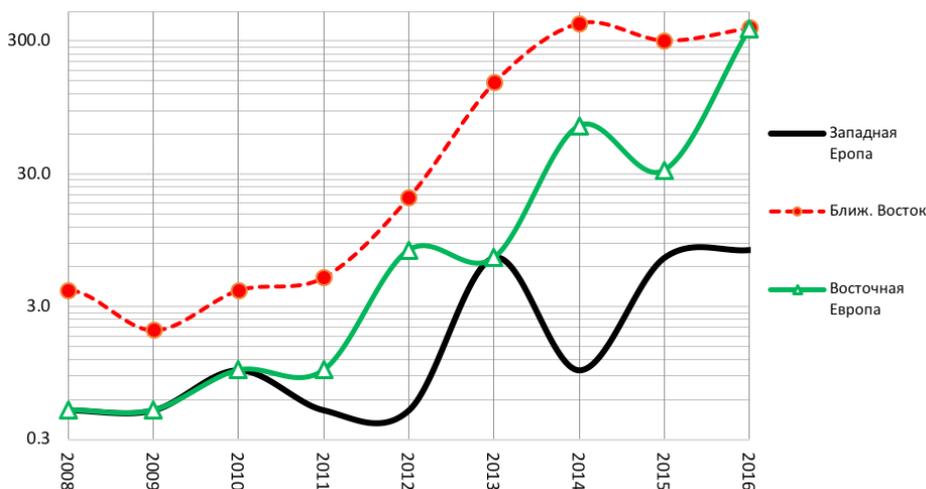

Рис. 10. Динамика количества повстанческих действий, зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 2008–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат.

(Источник: Banks, Wilson, 2017)

9. Повстанческие действия определяются составителями базы как «любая вооруженная деятельность, диверсии или теракты, совершаемые группами граждан или нерегулярными вооруженными силами, которые направлены на свержение или подрыв существующего режима» (Banks, Wilson, 2018: 13). Применительно к Западной Европе речь будет идти об особо крупных терактах, а на Ближнем Востоке (и Украине после 2013 года) этот показатель будет включать в себя и реальные повстанческие действия, например, нападения на склады с вооружением, диверсии на военных объектах, захват населенных пунктов иррегулярными формированиями и т. п.

В 2011 году никакого выраженного роста числа повстанческих действий в странах Ближнего Востока системой CNTS зафиксировано не было; в странах Восточной Европы оно осталось на прежнем уровне, а в Западной Европе даже наблюдалось снижение. Резкий рост числа зафиксированных CNTS повстанческих действий начинается в 2012 году, а уже в 2014-м Ближний Восток бьет абсолютный рекорд по данному показателю (в тесной связи с появлением «Исламского государства»/ИГИЛ — см., например: Гринин, Исаев, Коротаев, 2016: 128–158). Далее в 2015 году можно видеть спад данного показателя, но он вновь несколько вырос в 2016 году.

В это время отмечается также рост данного показателя в Восточной Европе. Заметный скачок можно наблюдать в 2014 году, когда по сравнению с 2012–2013 годами данный показатель вырастает почти в 10 раз.

Подобная динамика характерна и для террористических атак (она будет подробно проанализирована по базе данных Global Terrorism Database) (см. рис. 11).

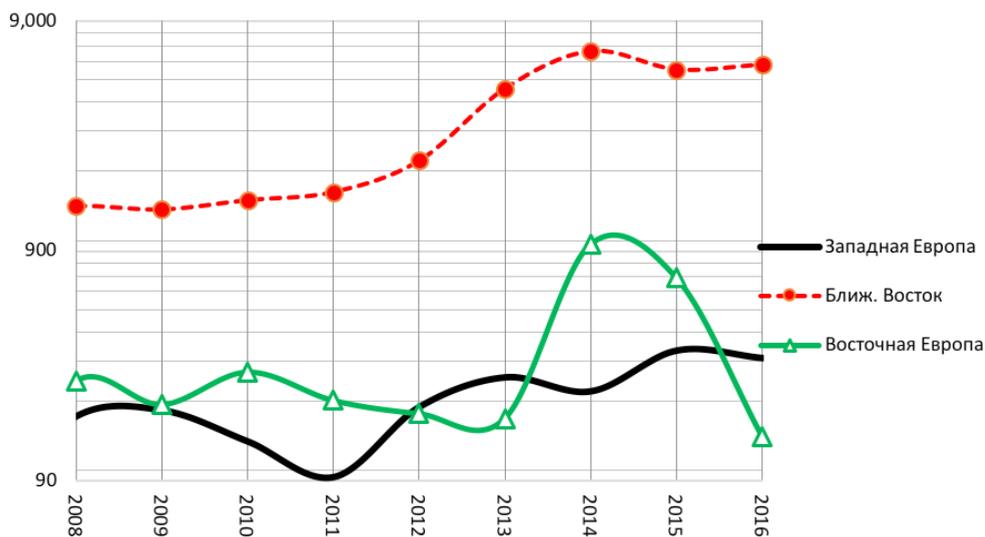

Рис. 11. Динамика количества террористических атак в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 1992–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат. (Источник: START, 2018)

Абсолютный рекорд по количеству террористических атак принадлежит Ближнему Востоку в 2014 году (6658 терактов), что также можно связать с возникновением и взрывообразной экспансией в этом году ИГИЛ/ДАИШ. Этот рост начался в 2004 году в тесной связи с интервенцией США в Ирак; локальный рекорд был установлен в 2008 году (1408 терактов), после этого в 2009 году наблюдался некоторый спад (1362 случая). Примечательно, что в 2011 году сколько-нибудь значительного роста числа террористических атак на Ближнем Востоке не наблюдалось

(а в Европе даже было зафиксировано снижение этого числа). Как мы могли это видеть применительно к повстанческим действиям, стремительный рост числа террористических атак начался в 2012 году (2223 теракта), продолжался до 2014 года (6658 случаев), что превысило предыдущий рекорд 2008 года почти в 5 раз.

В чем-то схожая динамика в 2010–2016 годах наблюдалась и в Восточной Европе. Максимальное количество террористических атак — 2014 год (963 случая), что превышает предыдущий, 2013 год (168 случаев) почти в 6 раз. Однако тренд Восточной Европы не столь схож с трендом Западной Европы, где он достигает максимума в 2015 году (331 случай), что почти в 2 раза меньше аналогичного значения переменной в 2015 году в Восточной Европе и почти в 3 раза меньше максимального значения в этот период в Восточной Европе (2014 год). Вместе с тем нельзя не отметить, что и в Западной Европе рост числа террористических атак в 2011–2016 годах был в высшей степени значительным (более чем в 3 раза). Однако максимальное число террористических атак, зафиксированное в этот период в Западной Европе (331 в 2015 году), в 3 раза меньше количества терактов, зафиксированных в Восточной Европе в 2014 году (963 террористические атаки), и более чем в 20 раз меньше печального ближневосточного рекорда 2014 года (6658 терактов).

Следует упомянуть и индекс социально-политической дестабилизации, рассчитываемый CNTS для суммарного мониторинга социально-политической дестабилизации в той или иной стране (см. рис. 12).

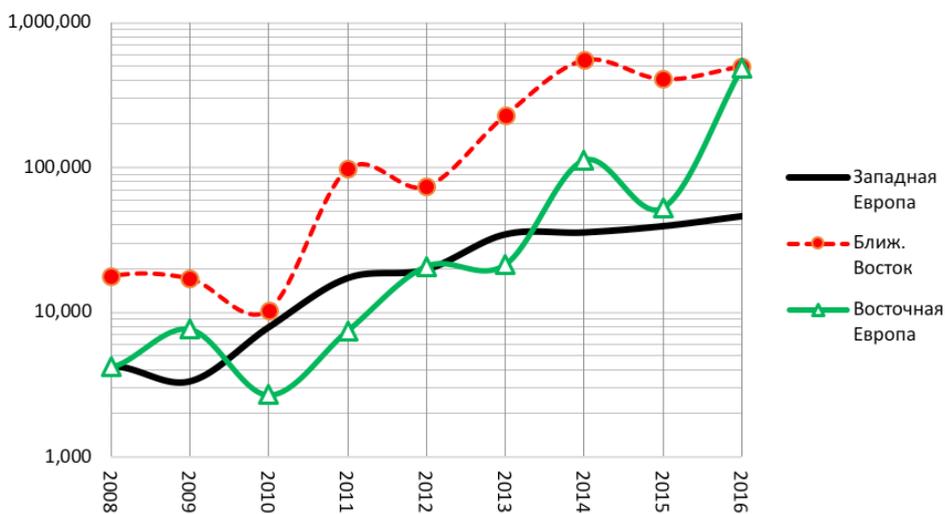

Рис. 12. Динамика индекса социально-политической дестабилизации в Восточной Европе, Западной Европе и на Ближнем Востоке в период 1992–2016 гг., логарифмическая шкала по оси ординат. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Индекс для Ближнего Востока начинает значительно расти в 2011 году (97 563 пункта), превысив, таким образом, значение предыдущего, 2010 года (10 311 пунктов) почти в 9 раз. Далее, в 2012 году (73 937 пунктов) этот показатель несколько уменьшился. В 2013 году вновь начался рост данного показателя (229 252 пункта), а в 2014 году был установлен новый рекорд (554 812 пунктов), что почти в 6 раз превышает рекорд 2011 года. Далее значение показателя несколько уменьшилось в 2015 году (409 252 пункта), а в 2016 году вновь начался рост (502 998 пунктов).

Данная динамика и в этом случае в чем-то сходна с той, что фиксируется CNTS для Восточной Европы. Максимальное значение переменная принимает в 2014 году (111 689 пунктов), при этом она превышает аналогичный показатель за 2013 год (21 312 пунктов) почти в 5 раз. В 2015 году значение индекса падает почти в 2 раза, а в 2016 году вновь возрастает.

Динамика Восточной Европы по этому показателю в чем-то схожа и с Западной Европой, где рекорд был установлен в 2016 году (45 688 пунктов), рост начался в 2011 году (с 17 063 пунктов) и с тех пор только увеличивался. В результате и в Восточной и в Западной Европе система CNTS зафиксировала в 2016 году рекордные для всего периода после 2008 года значения интегрального индекса социально-политической дестабилизации. Однако сравнивая западноевропейские показатели с Восточной Европой, нельзя не отметить, что рекорд 2016 года Восточной Европы превышает рекорд Западной Европы за этот же год почти в 11 раз.

Многokратное превышение значения интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS для Ближнего Востока в 2014 году по сравнению с Западной Европой связано прежде всего с тем, что число зафиксированных в этом году повстанческих действий многократно превысило число зафиксированных в этом году в Западной Европе крупных терактов, так как при расчете данного индекса повстанческим действиям/крупным терактам система CNTS придает особо крупный вес¹⁰. С этим же обстоятельством связано и промежуточное положение Восточной Европы по данному показателю, зафиксированному в 2014–2016 годах.

Возникает вопрос, насколько правомерно утверждение о том, что общий уровень социально-политической дестабилизации в Восточной Европе в 2016 году многократно превышал таковой для Западной Европы, вплотную приближаясь к бурлящему Ближнему Востоку? И действительно, более внимательный анализ данных показывает, что применительно к числу повстанческих действий и террористических актов высокий уровень соответствующего показателя для Восточной

---

10. Система CNTS присваивает каждому элементарному индикатору дестабилизации веса; при этом распределение весов выглядит следующим образом: политические убийства — 25, политические забастовки — 20, повстанческие действия — 100, правительственные кризисы — 20, репрессии — 20, беспорядки — 25, перевороты и попытки переворотов — 150, антиправительственные демонстрации — 10. При расчете интегрального индекса социально-политической дестабилизации значение каждого элементарного индекса умножается на соответствующие веса, результаты суммируются, а полученная сумма делится на 8 (Wilson, 2017: 13–14).

Европы является артефактом динамики данных показателей всего лишь в одной восточноевропейской стране — в Украине.

Нетипичные случаи дестабилизации: кейс Украины

При рассмотрении графиков дестабилизации в Восточной Европе можно заметить, что некоторые из них имеют значимость, только если в списке стран, по которым собирается статистика, присутствует Украина. Если же её исключить, то некоторые динамические изменения становятся незначимыми. Выделим Украину в отдельный кейс исследования, поскольку в этой стране произошли нетипичные для региона рассматриваемого периода события, связанные с особо радикальной дестабилизацией.

Украинский кризис принял открытую форму в конце 2013 года, когда на площади Независимости в Киеве прошел митинг против приостановки процесса евроинтеграции Украины (см., например: Цирель, 2015). До этого протесты против Януковича имели вид преимущественно антиправительственных демонстраций, которые при расчете интегрального индекса социально-политической дестабилизации CNTS получают самый небольшой вес. В 2014 году демонстрации переросли в массовые беспорядки, а в дальнейшем и в гражданскую войну, сопровождаемую волной самых настоящих террористических актов по всей Украине, что резко повысило значение интегрального индекса социально-политической дестабилизации не только для Украины, но и для Восточной Европы в целом (см. рис. 13).

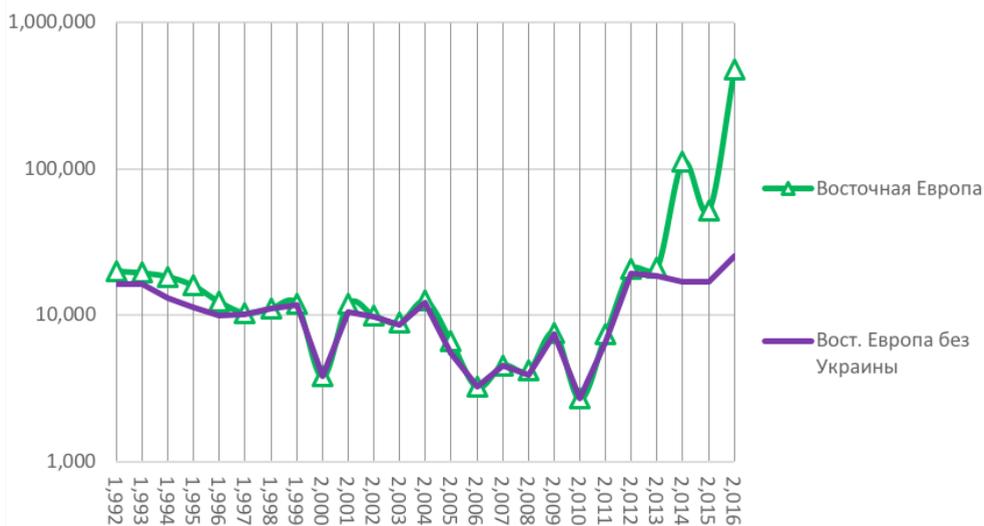

Рис. 13. Динамика индекса социально-политической дестабилизации в период 1992–2016 гг. в Восточной Европе. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

К 2014 году данный показатель достиг 112 тыс. пунктов, обогнав предыдущие годы более чем в 5 раз. В 2016 году данный показатель превысил 481 тыс. пунктов, обогнав предыдущий рекорд в 4 раза и практически сравнявшись с аналогичным показателем Ближнего Востока. Вместе с тем если рассмотреть Восточную Европу без Украины, то мы увидим, что в 2014 году там вообще не наблюдалось роста общего индекса социально-политической дестабилизации, а в 2016 году он лишь незначительно превышал значение 2013 года. Таким образом, стремительный рост общего индекса социально-политической дестабилизации в Восточной Европе является артефактом начала гражданской войны и волны террористических атак на Украине.

Украина переживает три волны социально-политической дестабилизации: антиправительственных демонстраций, беспорядков и волну особо насильственных форм социально-политической дестабилизации — повстанческих действий и терроризма, которые последовательно сменяют друг друга.

21 ноября Украинская революция начинается с мирных демонстраций протеста против решения правительства приостановить процесс подготовки к подписанию соглашения об ассоциации Украины с ЕС, однако достаточно быстро мирные демонстрации перерастают в массовые беспорядки, интенсивность которых растет в декабре, январе и феврале, вплоть до свержения Януковича. Уже в январе база Global Terrorism Database фиксирует на Украине 3 террористических акта, в феврале их число увеличивается до 15, но в марте снижается до 7. Однако в апреле на фоне резкого снижения числа демонстраций и беспорядков, зафиксированных на Украине базой данных Mass Mobilization Data Project/MMDP¹¹ (Clark, Regan, 2018), наблюдается резкий, почти на порядок, рост числа терактов (до 66). Своего пика (191 теракт) этот показатель достигает в июле 2014 года, когда число зафиксированных на Украине демонстраций и массовых беспорядков падает до 0. Уровень террористической активности продолжает оставаться очень высоким вплоть до 2015 года на фоне близкой к 0 обычной протестной активности в виде массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций. Таким образом, волна террористической и повстанческой активности на Украине шла с заметным запаздыванием относительно волны обычной протестной активности (см. рис. 14).

---

11. В данном случае мы пользуемся именно этой БД, а не CNTS, так как именно эта база данных дает нам нужное в этом случае разрешение с точностью до месяца, тогда как CNTS дает информацию с годовым разрешением.

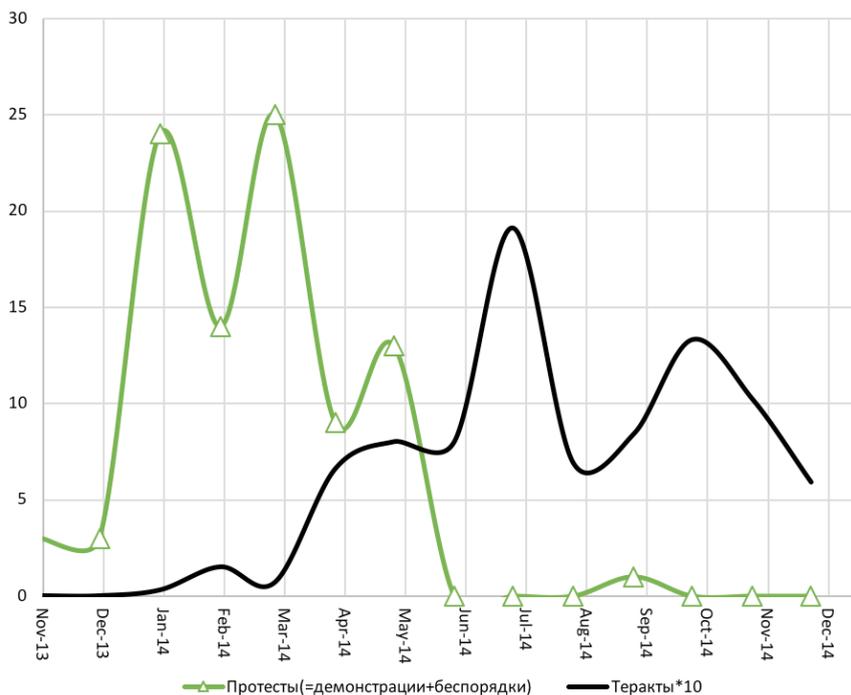

Рис. 14. Динамика протестов и терактов в Украине в конце 2013 г. и в 2014 г.
(Источники: START, 2018; Clark, Regan, 2018)

Украина радикально меняет общие кривые динамики дестабилизации в Восточной Европе только применительно к повстанческим действиям, террористическим актам и интегральному индексу социально-политической дестабилизации (что, как мы уже писали выше, связано с особо высоким весом, придаваемым создателями CNTS повстанческим действиям). Применительно же к антиправительственным демонстрациям восточноевропейская кривая имеет качественно сходную форму как с учетом, так и без учета Украины (см. рис. 15).

Как мы видим, Украина внесла сколько-нибудь значимый вклад в рост общего числа антиправительственных демонстраций, зафиксированных в Восточной Европе только в годы двух своих революций (в 2004 и в 2014 годах), но даже в это время о сколько-нибудь радикальной форме изменения восточноевропейской кривой говорить не приходится.

Сходная картина наблюдается и по массовым беспорядкам (см. рис. 16).

Рис. 15. Динамика антиправительственных демонстраций в Восточной Европе в период 1992–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

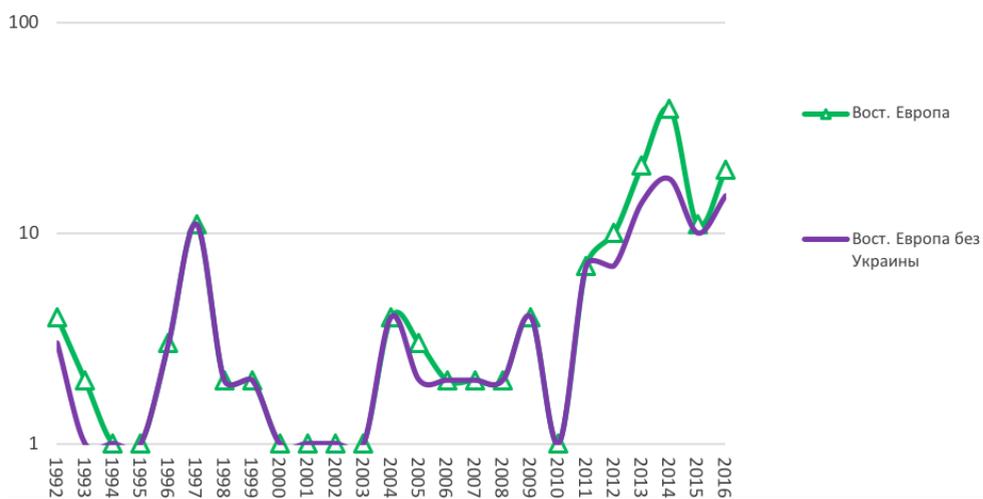

Рис. 16. Динамика беспорядков в Восточной Европе в период 1992–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

В данном случае Украина внесла действительно заметный вклад в общее число зафиксированных системой CNTS в Восточной Европе массовых беспорядков всего лишь один раз — в 2014 году. Вклад этот оказался при этом несколько более значительным, чем антиправительственных демонстраций, но и здесь ни о каком радикальном изменении формы восточноевропейской кривой говорить не приходится.

А вот применительно к динамике повстанческих действий в Восточной Европе речь действительно идет о радикальной разнице между кривыми Восточной Европы и Украины (см. рис. 17).

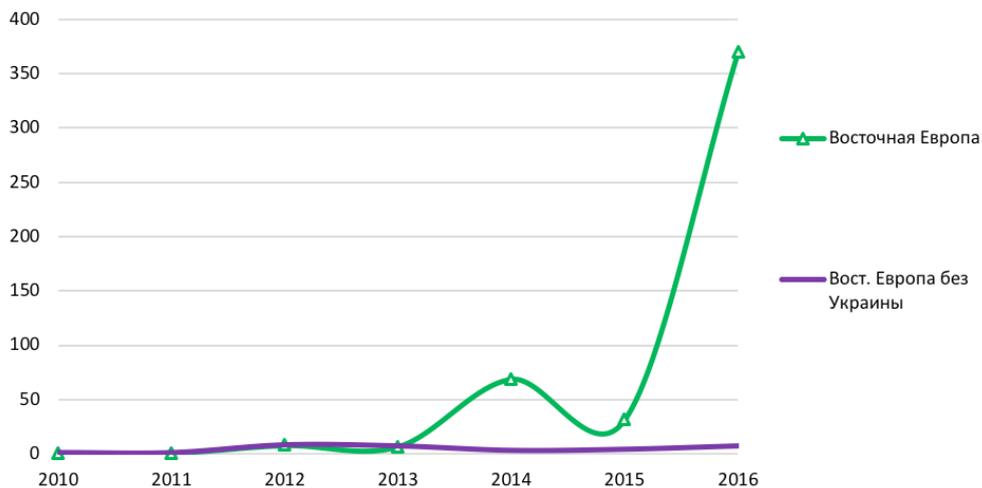

Рис. 17. Динамика интенсивности повстанческих действий в Восточной Европе в период 2010–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Вполне очевидно, что всплеск данного вида дестабилизации связан в первую очередь с войной в Донбассе, которая началась весной 2014 года (Mitrokhin, 2015; Matsuzato, 2017). Как известно, разрозненные движения за присоединение Донбасса к России существовали еще с начала 1990-х годов (Mitrokhin, 2015). Они отличались различными культурными и идеологическими повестками: казаки, православные активисты, неоязычники, десантники (*paratroopers*), последователи публициста Дугина и т. п. (Mitrokhin, 2014). Однако большинство активистов были вытеснены с политической арены народным ополчением (*militia*) в марте-апреле 2014 года, которое начинает использовать силу для решения политических вопросов — с этого момента можно говорить о начале действий, подпадающих под понятие «повстанческих» (*guerilla warfare*) по определению CNTS.

Обратимся далее к украинскому разделу базы данных Global Terrorism Database (START, 2018). Ниже приведена статистика террористических атак и убитых в них в этой стране (см. рис. 18 и 19).

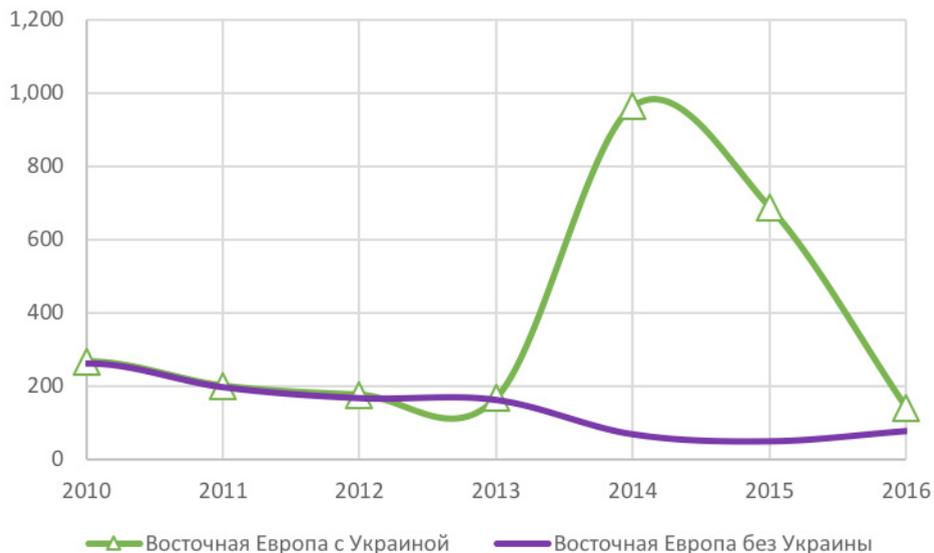

Рис. 18. Динамика количества террористических атак в период 1992–2016 гг. в Восточной Европе. (Источник: START, 2018)

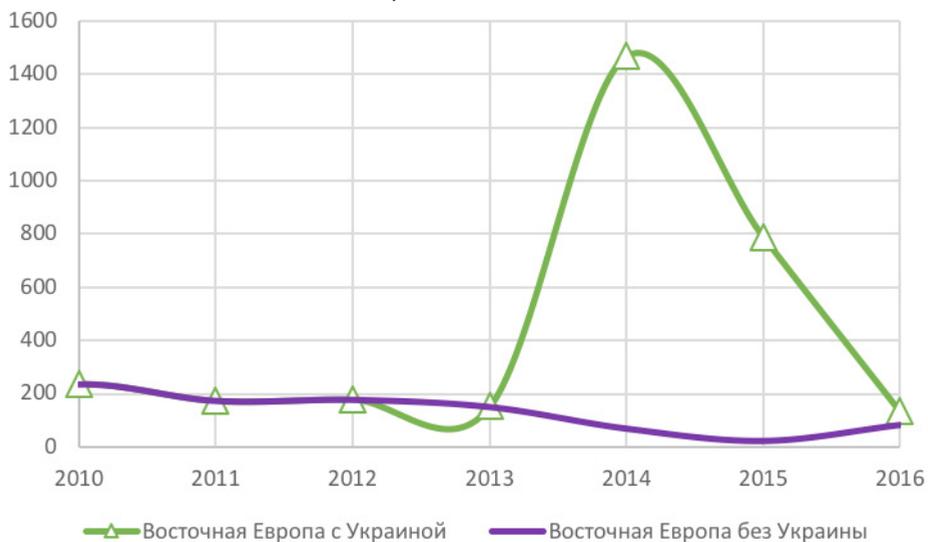

Рис. 19. Динамика количества террористических убийств в период 1992–2016 гг. в Восточной Европе. (Источник: START, 2018)

Рисунки 18 и 19 достаточно наглядно показывают, что резкий рост числа зафиксированных в Восточной Европе терактов, а также жертв терактов целиком связан с Украиной. При рассмотрении Восточной Европы без Украины получается, что в 2014 году там наблюдалось заметное снижение и того и другого.

За 2014–2016 годы базой данных GTD было зафиксировано 44 случая террористических актов в Одессе. Большая часть из них (32 случая) — это взрывы самодельных бомб, направленные на объекты инфраструктуры, отделения банка ПриватБанк, отделения общественных организаций и партий. При этом важно заметить, что для страны в период революции 2014 года был характерен именно «внутренний» терроризм как форма борьбы оппозиции, а не «внешний» терроризм, скачок которого был зафиксирован в Западной Европе после 2014 года (Eurofor, 2018). Террористические акты были зафиксированы в 2014 году также во Львове, Киеве, Житомире, Днепропетровске, Черкассах, Харькове, Херсоне, Полтаве, Севастополе, Закарпатье (START, 2018), то есть речь идет именно об общенациональной террористической волне, а не только лишь о насилии в Донбассе.

Таким образом, начиная с 2011 года Украина проходит ряд фаз дестабилизации — мирные антиправительственные демонстрации сменяются массовыми беспорядками, за которыми следует волна террористических актов и повстанческих действий. После 2010 года такая радикальная дестабилизация не наблюдалась ни в одной восточноевропейской стране. Однако нельзя сказать, что такой паттерн дестабилизации характерен только для Украины. Если обратиться к мировой динамике числа антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков, повстанческих действий/терактов, которую мы описывали в одной из своих работ, то можно заметить те же самые три волны (Коротаев, Мещерина и др., 2016: 39–41) (см. рис. 21).

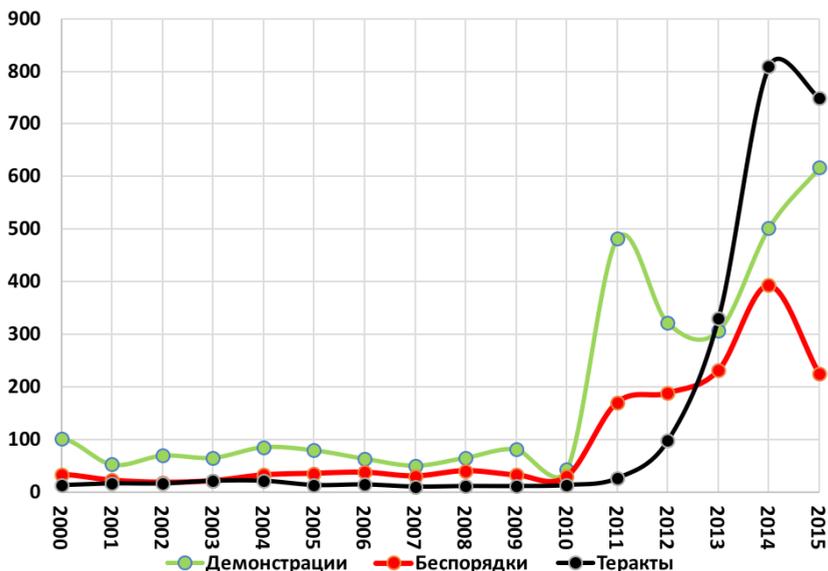

Рис. 21. Динамика общего количества зафиксированных в мире системой CNTS антиправительственных демонстраций, массовых беспорядков и крупных терактов/повстанческих действий в период 2000–2015 гг. (Источник: (Banks, Wilson, 2018))

В 2011 году в мире особенно выросло количество крупных антиправительственных демонстраций (в 11,5 раза — более чем на порядок), при этом наблюдался заметно менее интенсивный (примерно в 6 раз) рост массовых беспорядков, число же крупных терактов/повстанческих действий в этом году выросло только в 2 раза. Число зафиксированных в мире крупных антиправительственных демонстраций в 2011–2013 годах несколько снизилось, в то время как глобальная интенсивность массовых беспорядков продолжала расти, вплотную приблизившись к интенсивности антиправительственных демонстраций. Глобальное число крупных террористических актов/повстанческих действий в 2011–2014 годах росло по экспоненте, превысив в 2014 году число и тех и других. В целом можно сказать, что после 2010 года на мир-системном уровне нарастание массовых беспорядков шло с некоторым лагом относительно роста числа антиправительственных демонстраций, а увеличение числа крупных террористических актов/повстанческих действий несколько запаздывало относительно и первых и вторых (подробнее об этом см., например: Коротчаев, Мещерина и др., 2016: 39–41). Таким образом, можно видеть достаточно четкий паттерн глобальной радикализации — вначале вырастают менее насильственные факторы дестабилизации, а затем более насильственные. При этом позднее при полной реализации паттерна радикализации манифестации насильственных форм начинают опережать по своей интенсивности ненасильственные манифестации.

Подобный паттерн характерен и для тех стран из других мир-системных зон, где процессы социально-политической дестабилизации зашли особенно далеко. Например, с некоторыми смещениями, подобный паттерн наблюдался в 2010-х годах в Йемене (см. рис. 22).

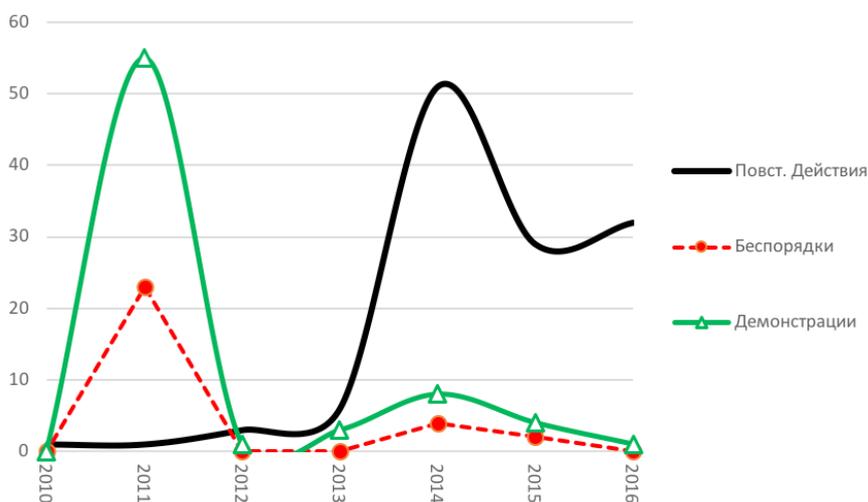

Рис. 22. Динамика повстанческих действий, беспорядков и демонстраций в Йемене в период 2010–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

Можно отметить значительный рост антиправительственных демонстраций в 2011 году, происходивший одновременно с ростом числа беспорядков. Протесты в Йемене начались 22–25 января и вначале были мирными (Euronews.com, 2011; Гринин, Исаев, Коротаев, 2016), распространение стычек с полицией с тенденцией к перерастанию мирных демонстраций в массовые беспорядки началось лишь в феврале-марте 2011 года, когда протестующих не удовлетворили решения, принятые президентом Салехом (gia.ru, 2011). К тому же на поверхность вышел давний конфликт между двумя группировками йеменской элиты — кланом Салеха и кланом аль-Ахмаров, контролировавшим многие важные формирования йеменских вооруженных сил. Подобно тому, как египетская военная элита воспользовалась народными выступлениями для сведения счетов со своим главным противником — группировкой во главе с Гамалем Мубараком (Korotayev, Issaev, Shishkina, 2016; Исаев, Коротаев, 2014; Коротаев, Исаев, 2014), клан аль-Ахмаров решил воспользоваться народными выступлениями в Йемене для того, чтобы попытаться разгромить своего главного противника — Салехов. С этой целью и под аплодисменты левоверного международного сообщества группировка аль-Ахмаров позиционировала себя в качестве защитников «народных борцов за демократию» от репрессий «деспотической диктатуры» Али Абдаллы Салеха. 26 февраля 2011 года сразу несколько лидеров двух крупнейших йеменских племен, Хашид и Бакиль, группировавшихся вокруг клана аль-Ахмаров, заявили о переходе на сторону оппозиции. В марте один из лидеров племенного союза Хашид Али Мохсен аль-Ахмар, командующий северным военным округом и первой бронетанковой дивизией (одной из самых боеспособных в стране), заявил о своем выходе из Всеобщего народного конгресса — правящей партии, кандидатом от которой в свое время был президент Салех. Вслед за генералом Али Мохсеном аль-Ахмаром о переходе на сторону оппозиции объявили еще три генерала и десятки офицеров. Войска мятежников прибыли в Сану якобы «для защиты манифестантов», разместившись на центральной площади, а также у зданий Центрального банка, министерства обороны и президентского дворца, что и привело к резкой эскалации насильственной компоненты в социально-политической дестабилизации в Йемене (см.: Исаев, 2012; Исаев, Шишкина, 2012; Гринин, Исаев, Коротаев, 2016).

На графике видно, как в 2012–2013 годах происходит резкий спад числа демонстраций и беспорядков, а затем с 2013 года растет число повстанческих действий, достигших локального пика в 2015 году. Подобный рост насильственных форм протестной активности в 2014 году в стране связан с хуситским восстанием, формальной причиной которого стало повышение цен на бензин. В кратчайшие сроки хуситы сумели взять под свой контроль несколько мухафаз (провинций) в северо-западной части страны, а 21 сентября захватили основную часть столицы, что в дальнейшем привело к началу полномасштабной гражданской войны, отягченной, как обычно, мощной иностранной интервенцией (Коротаев, Исаев, 2015; Пеньковцев, Мокбел, 2017: 186).

Обратимся и к другим регионам мира. В качестве примера выделим Таиланд, в котором после 2008 года наблюдалась, в сущности, сходная последовательность дестабилизационных волн (см. рис. 23).

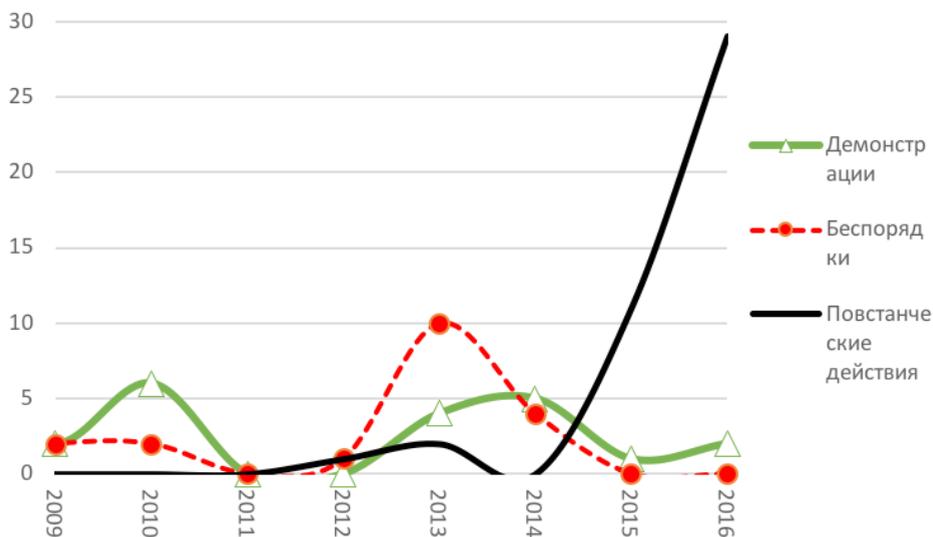

Рис. 23. Динамика повстанческих действий, беспорядков и демонстраций в Таиланде в период 2009–2016 гг. (Источник: Banks, Wilson, 2018)

В 2010-е годы в Таиланде правящая (вплоть до 2013–2014 года) партия Пхья Тхаи («Для Таиланда»; опиравшаяся в основном на провинциальное большинство тайского населения) получила на выборах 2011 года около половины голосов (что дало ей 265 мест из 500 в парламенте). В это же время ее главный противник — *Phak Prachathipat* (Демократическая партия) — получила 35% всех голосов (159 мест из 500 в парламенте). Однако в Бангкоке лидирующая партия обладала лишь 30% голосов. Таким образом, оказалось, что население столицы поддерживает оппозиционную партию (что было подтверждено и на выборах мэра в 2013 году), в результате чего Бангкок стал эпицентром протестов в 2013 году, а в 2014-м власть в Бангкоке была взята военными (Korotayev, Issaev, Zinkina, 2015). После прихода к власти военных политические силы оказались лишены возможности выражать свой протест легальным путем, что спровоцировало рост числа террористических атак. На примере ситуации в Таиланде можно отчетливо увидеть, как волна менее насильственных видов протестной активности сменяется волной актов с особо выраженной насильственной составляющей — начиная с 2009 года растет число демонстраций (их количество к 2010 году превышает число беспорядков в 2 раза), при этом число беспорядков остается на прежнем уровне. К 2011 году и демонстрации, и беспорядки, и повстанческие действия падают до нулевого значения и остаются на низком уровне еще год. В 2013 же году происходит резкий

рост числа беспорядков на фоне незначительного роста числа демонстраций и повстанческих действий, однако с 2014 года резко идет вверх число повстанческих действий (в 2014–2016 годах их число возросло на порядок: с 0 до 29 случаев повстанческих действий). Можно констатировать, что Таиланд, как и Йемен, прошел все три стадии развития кризиса: первый этап в 2010 году, второй в 2013-м и третий в 2015–2016 годах.

Таким образом, случай Украины действительно выделяется в 2010-х годах на фоне остальных стран Восточной Европы, однако повторяет паттерн, характерный для некоторых стран и всего мира в целом в этот временной период.

Заключение

Итак, имеются определенные основания утверждать, что «арабская весна» выступила триггером дестабилизационной волны в Восточной Европе, как, впрочем, и в ряде других мир-системных зон (Коротаев, Мещерина и др., 2016, 2017; Коротаев, Шишкина, Исаев, 2016; Коротаев, Шишкина, Лухманова, 2017; Akaev et al., 2017; Korotayev, Meshcherina, Shishkina, 2018). В Восточной Европе, так же как и во многих других регионах мира, волна протестов началась практически сразу после получения известий о первых успехах арабских революций, при этом наблюдалась диффузия протестов со многими схожими характеристиками: занятие большой территории многочисленной группой протестующих на длительные промежутки времени, схожие требования (социальная справедливость, экономическое и политическое равенство), социодемографический состав (при особенно активном участии неустроенной образованной молодежи) и т. д.¹² Такого рода протесты были зафиксированы в 2011 году в Чехии, Боснии и Герцеговине, Румынии, Сербии, Словакии, Косово, Армении, Македонии, Эстонии, Хорватии, России, Словении. При этом обнаруживается значительный контраст с предыдущей волной социально-политической дестабилизации в Восточной Европе, пришедшейся на 2009 год и связанной со значительным падением производства в результате глобального финансово-экономического кризиса и вызванной им серии правительственных кризисов.

В 2011 году протестная волна проходила на фоне не спада производства, а его заметного подъема при отсутствии правительственных кризисов. Это подчеркивает важную роль, сыгранную «арабской весной» в запуске данной дестабилизационной волны. Вместе с тем проведенный анализ заставляет предполагать и важную роль, которую в данной дестабилизационной волне (при этом как на

---

12. Наши выводы несколько отличаются от выводов теоретиков диффузии коллективного действия (Beissinger, 2002; 2007; Beck, 2011; Tarrow, Tilly, 2007), которые утверждают, что для успешного заимствования паттернов коллективного действия требуются схожее историческое прошлое и схожая культура. Однако данные, приведенные нами и некоторыми другими авторами (Kerton, 2012; Kavada, 2017; Hammond, 2015), позволяют говорить о том, что сам факт успешности того или иного вида протестов может вести к его заимствованию и в регионах с существенно отличными культурными характеристиками и историческим прошлым.

восточноевропейском, так и на глобальном уровне) могла сыграть тесно связанная с глобальным посткризисным восстановительным ростом вторая волна агфляции (вторая волна взрывообразного роста цен на продовольствие).

При этом проделанный нами анализ показывает, что события на Арабском Востоке оказали влияние на динамику социально-политической дестабилизации только в 2011 году. В последующие же годы дестабилизационные процессы в этой мир-системной зоне развивались вполне независимо от событий в арабской зоне. После 2011 года Западную Европу захватывает вторая волна финансово-экономического кризиса (т.н. кризис PIGS), которая в первую очередь отразилась на экономиках Португалии, Испании, Греции, Италии, но в конечном счете затронула всю Европу — как Западную, так и Восточную. Вторая волна кризиса, по нашему мнению, ответственна за рост числа правительственных кризисов и антиправительственных демонстраций в Восточной Европе после 2011 года из-за связанности экономик стран, относящихся к этим двум регионам. Подобная динамика наблюдалась также и для массовых беспорядков.

Формальный анализ баз данных показал, что после 2014 года на территории Восточной Европы заметно вырастает количество повстанческих действий и террористических атак. Более детальный анализ позволяет сделать вывод, что подобный тренд появляется из-за особого кейса Украины. Мы обратили внимание на то, что Украина в 2014–2015 годах переходит от менее насильственных факторов дестабилизации (массовых беспорядков и антиправительственных демонстраций) к более насильственным (терроризм и повстанческие действия). Однако всплеск террористической активности не был напрямую связан с повстанческими действиями, о чем свидетельствует кейс Одессы, на которую пришлось наибольшее количество террористических атак, а скорее являлся следствием дестабилизации в стране. С другой стороны, подобный паттерн дестабилизации оказывается нетипичным для Восточной Европы рассматриваемого периода, но обнаруживается в некоторых других странах (например, в Йемене и Таиланде), а также на глобальном уровне; поэтому говорить об украинском эксэпционализме не приходится. Комментируя случай Украины, можно сделать вывод, что данные факторы дестабилизации вряд ли напрямую связаны с «арабской весной», скорее их причинами послужили внутренние структурные особенности этой страны в обозначенный временной период.

Литература

- Акаев А., Садовничий В., Коротяев А. (2010). О возможности предсказания нынешнего глобального кризиса и его второй волны // *Экономическая политика*. № 6. С. 39–46.
- Бызов Л. Г. (2012). Политические цвета новорусского протеста // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 1. С. 27–32.

- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В.* (2018). Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа // Социологический журнал. Т. 24. №. 2. С. 28–65.
- Глинкина С. П., Куликова Н. В., Сеницина И. С.* (2014). Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.: Институт экономики РАН.
- Гринин Л. Е.* (2017). Русская революция и ловушки модернизации // Полис. Политические исследования. № 4. С. 138–155.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В.* (2016). Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Учитель.
- Думская.net.* (2015). Терракты по-одесски: опыт предков и современные тенденции (инфографика). URL: <http://dumskaya.net/news/25-teraktov-kogo-i-kak-vzryvayut-v-odesse-infogr-044308/> (дата доступа: 29.05.2018).
- Замятнина Е. С.* (2017). Образование и социально-политическая дестабилизация: систематический обзор // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 8. С. 219–232.
- Иванов Е. А., Шишкина А. Р.* (2018). Агфляция и риски социально-политической дестабилизации в постсоветской Центральной Азии // *Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Мещерина К. В.* (ред.). Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Вып. 9. Волгоград: Учитель. С. 452–469.
- Исаев Л. М.* (2012). Племенная революция по-йеменски // Неприкосновенный запас. № 4. С. 178–187.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В.* (2014). Египетский переворот 2013 года: опыт эконометрического анализа // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 14–20.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р.* (2012). Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛИБРОКОМ.
- Коротаев А. В.* (2014). О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года // Историческая психология и социология истории. Т. 7. № 1. С. 56–74.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р.* (2017а). ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. № 1. С. 127–143.
- Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р.* (2017б). Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа // Полис. Политические исследования. № 2. С. 155–169.
- Коротаев А., Васькин И., Билюга С.* (2017). Гипотеза Олсона–Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 1. С. 9–49.

- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. (2017). Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. (2011). Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ // Историческая психология и социология истории. Т. 4. № 2. С. 5–29.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. (2014). Анатомия египетской контрреволюции // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 91–100.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. (2015). Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 71–81.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. (2014). Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах // История и математика 9: 43–98.
- Коротаев А. В., Мещерина К. В., Исаев Л. М., Искосков А. С., Херн У. Д., Дельянов В. Г., Куликова Е. Д. (2016). Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 7. С. 22–126.
- Коротаев А. В., Мещерина К. В., Куликова Е. Д., Дельянов В. Г. (2017). Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ // Сравнительная политика. Т. 8. № 4. С. 113–126.
- Коротаев А. В., Романов Д. М., Билюга С. Э., Халтурина Д. А. (2018). Влияние удельного числа интернет-пользователей на потенциал дестабилизации: предварительный количественный анализ // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Т. 9. С. 222–247.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. (2016). Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 108–122.
- Коротаев А., Хохлова А., Цирель С. (2018). Безработица как предиктор социально-политической дестабилизации в странах Западной и Восточной Европы // Экономическая социология. Т. 19. №. 2. С. 118–167.
- Коротаев А. В., Цирель С. В., Билюга С. Э. (2019). Коррупция, ценности и попытки насильственных изменений государственной власти в странах с различным уровнем ВВП на душу населения: опыт количественного компаративного и корреляционного анализа // Сравнительная политика. № 1. С. 98–123.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. (2016). Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 108–122.
- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Лухманова З. Т. (2017). Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ // Полис. Политические исследования. № 6. С. 150–168.

- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Билюга С. Э., Осипов Д. А. (2017). К вопросу о некоторых естественно-природных факторах социально-политической дестабилизации // Информационные войны. Т. 3. № 43. С. 56–69.
- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. (2013). О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны // Полис. Политические исследования. № 4. С. 137–162.
- Назаров М. М. (1995). Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. №. 1. С. 47–59.
- Пеньковцев Р. В., Мокбел Х. Г. Х. (2017). Влияние событий «арабской весны» на политическую ситуацию в Республике Йемен // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 9. № 6-2. С. 183–188.
- Романов Д. М., Билюга С. Э., Халтурина Д. А. (2018). Связь «молодежных бугров» с явлениями социально-политической дестабилизации // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 9: 181–221.
- Соболев А. С. (2013). География, технологии и политика: факторы коллективного протеста в России 2011–2012 годов // Социология власти. № 4. С. 104–118.
- Украинская правда. (2012). В Румынии протесты уволили правительство // Украинская правда. 06.02.2012. URL: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2012/02/6/6954905/> (дата обращения: 01.05.2018).
- Урнов М. Ю. (2008). Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект Пресс.
- ФОМ. (2011а). Динамика цен. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d29dcl1.pdf> (дата доступа: 01.06.2018).
- ФОМ. (2011б). Уровень протестных настроений. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d3oypn11.pdf> (дата доступа: 01.06.2018).
- Цирель С. В. (2012). Условия возникновения революционных ситуаций в арабских странах // Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (ред.). Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Вып. 3. М.: Либроком. С. 162–173.
- Цирель С. В. (2015). К истокам украинских революционных событий 2013–2014 // Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. (ред.). Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Вып. 6. Волгоград: Учитель. С. 57–83.
- Эхо Москвы. (2012). Дмитрий Песков пообещал разогнать лагерь оппозиции на Чистых прудах // Эхо Москвы. 11.05.2012. URL: <https://echo.msk.ru/news/887291-echo.html> (дата доступа: 01.04.2018).
- Яшлавский А. Э. (2018). Между соблазном и принуждением: «мягкая сила» ИГИЛ // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 7. С. 27–37.
- 24ur.com. (2011). Treba je ustaviti politiko zategovanja pasov // 24ur. 14.10.2011. URL: <http://24ur.com/novice/slovenija/shoda-v-ljubljani-in-kopru-nista-prijavljena.html> (дата доступа: 1.04.2018).
- A+1. (2012). Protest Continues at Mashtots Park // A1plus. 13.02.2012. URL: <http://www.a1plus.am/55320.html> (дата доступа: 1.04.2018).

- Abusharif I. N.* (2014). Parsing “Arab Spring”. Doha: Northwestern University in Qatar.
- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J.* (2017). Technological Development and Protest Waves: Arab Spring as a Trigger of the Global Phase Transition? // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 116. P. 316–321.
- Akaev A., Sadovnichii V., Korotayev A.* (2011). Explosive Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis // *Doklady Mathematics*. Vol. 83. № 2. P. 1–4.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A.* (2012). On the Dynamics of the World Demographic Transition and Financial-Economic Crises Forecasts // *European Physical Journal Special Topics*. Vol. 205. № 1. P. 355–373.
- Alfa.mk. (2011). Окупирај го Wall Street, окупирај го Скопје // *Алфа ТВ*. 11.10.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20120403142912/http://vesti.alfa.mk/default.aspx?mId=36&eventId=41572> (дата доступа: 01.04.2018).
- Anand M. R., Gupta G. L., Dash R.* (2012). *The Euro Zone Crisis: Its Dimensions and Implications*. New Delhi: Department of Economic Affairs (DEA) of the Ministry of Finance.
- Andrews K. T., Biggs M.* (2006). The Dynamics of Protest Diffusion: Movement Organizations, Social Networks, and News Media in the 1960 Sit-Ins // *American Sociological Review*. Vol. 71. № 5. P. 752–777.
- Arezki M. R., Bruckner M.* (2011). *Food Prices and Political Instability*. Washington: International Monetary Fund.
- Bagheri D. A., Shafie S. M.* (2017). Globalization, Crisis of Meaning and Emergence of the Fundamentalist Identity: The Case Study of the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS) // *Journal of Globalization Studies*. Vol. 8. № 1. P. 139–155.
- Banks A. S., Wilson K. A.* (2018). *Cross-National Time-Series Data Archive*, Jerusalem: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com> (дата доступа: 05.06.2018).
- Barber B.* (2003). *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkeley: University of California Press.
- BBC. (2015). *Moldova Anger Grows over Banking Scandal* // *BBC News*. 14.09.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34244341> (дата доступа: 29.05.2018).
- Beck C. J.* (2011). The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves: Five Centuries of European Contention // *Social Science History*. Vol. 35. № 2. P. 167–207.
- Beck C. J.* (2014). Reflections on the Revolutionary Wave in 2011 // *Theory and Society*. Vol. 43. № 2. P. 197–223.
- Beehner L.* (2018). Fragile States and the Territory Conundrum to Countering Violent Nonstate Actors // *Democracy and Security*. Vol. 14. № 2. P. 101–127.
- Beissinger M. R.* (2002). *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beissinger M. R.* (2007). Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics*. Vol. 5. № 2. P. 259–276.

- Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K.* (2015). Explaining Divergent Revolutionary Coalitions: Regime Strategies and the Structuring of Participation in the Tunisian and Egyptian Revolutions // *Comparative Politics*. Vol. 48. № 1. P. 1–24.
- Blic.rs.* (2011). Rim u plamenu, više od 70 povređenih u okršajima “ogorčenih” sa policijom // *Blic*. 15.10.2011. URL: <https://web.archive.org/web/20110117171416/http://www.blic.rs/Vesti/Svet/283383/Sirom-sveta-protesti-Ogorcenih-pridruzio-se-i-Beograd> (дата обращения: 1.04.2018).
- Bogaert K.* (2011). Global Dimensions of the Arab Spring and the Potential for Anti-hegemonic Politics // *Jadaliyya*. № 21. P. 1–3.
- Bogaert K.* (2013). Contextualizing the Arab Revolts: The Politics behind Three Decades of Neoliberalism in the Arab World // *Middle East Critique*. Vol. 22. № 3. P. 213–234.
- Breau S.* (2014). The Occupy Movement and the Top 1% in Canada // *Antipode*. Vol. 46. № 1. P. 13–33.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D.* (2015). Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 59. № 7. P. 1186–1215.
- Bunce V. J., Wolchik S. L.* (2006). International Diffusion and Postcommunist Electoral Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 39. № 3. P. 283–304.
- Chaisty P., Whitefield S.* (2013). Forward to Democracy or Back to Authoritarianism? The Attitudinal Bases of Mass Support for the Russian Election Protests of 2011–2012 // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 5. P. 387–403.
- Charnock G., Purcell T., Ribera-Fumaz R.* (2014). *The Limits to Capital in Spain*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Clark D., Regan P.* (2018). *Mass Mobilization Protest Data*. Cambridge: Harvard University. URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/MMdata> (дата доступа: 05.05.2018).
- Currie K.* (2012). Asia and the Arab Spring // *Culture and Society*. Vol. 2012. P. 294–297. URL: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxiu-adjunts/anuari/med.2012/currie_en.pdf (дата доступа: 05.06.2018).
- Danjibo N. D.* (2013). The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa // *Strategic Review for Southern Africa*. Vol. 35. № 2. P. 16–34.
- Davies J. C.* (1962). Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. Vol. 27. № 1. P. 5–19.
- DeNardo J.* (2014). *Power in Numbers: The Political Strategy of Protest and Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
- Denik.cz.* (2011). Až 300 lidí demonstrovalo proti vládám a finančníkům // *Denik*. 15.10.2011. URL: https://www.denik.cz/z_domova/demonstranti-v-praze-protestuji-proti-soucasne.html (дата доступа: 1.04.2018).
- Di Stefano G., Piacentino B., Ruvolo G.* (2017). Mentalizing in Organizations: A Psychodynamic Model for an Understanding of Well-Being and Suffering in the Work Contexts // *World Futures*. Vol. 73. № 4–5. P. 216–223.

- Dowe H.* (2001). *Europe in 1848: Revolution and Reform*. New York: Berghahn Books.
- Duyvendak J. W., Giugni M. G.* (1995) *Social Movement Types and Policy Domains // Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J. W., Giugni M.* (eds.). *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 82–110.
- Elbakidze L., Jih Y. H.* (2015) Are Economic Development and Education Improvement Associated with Participation in Transnational Terrorism? // *Risk Analysis*. Vol. 35. № 8. P. 1520–1535.
- Epress.am. (2018). Pashinyan to Negotiate with Authorities on Behalf of People // Epress. 21.04.2018. URL: <http://epress.am/en/2018/04/21/thousands-reconvene-anti-government-protests-across-armenia-dozens-detained-live-thread.html> (дата доступа: 06.06.2018).
- Erde J.* (2014). Constructing Archives of the Occupy Movement // *Archives and Records*. Vol. 35. № 2. P. 77–92.
- Erdogan A.* (2013). From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition // *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*. Vol. 12. № 3. P. 17–31.
- Euronews.com. (2011). Йемен: тысячи манифестантов в Сане требуют отставки президента // Euronews. 29.05.2018. URL: <http://ru.euronews.com/2011/01/27/growing-anti-regime-protests-spread-to-yemen> (дата доступа: 29.05.2018).
- Europol. (2018). EU Terrorism Situation and Report 2018 (TESAT 2018). The Hague: European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/eu-terrorism-situation-and-trend-report#fndtn-tabs-o-bottom-2> (дата доступа: 07.06.2018).
- Fadaee S., Schindler S.* (2014). The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability // *Globalizations*. Vol. 11. № 6. P. 777–791.
- FAO. (2018). Monthly Real Food Price Indices. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nation. URL: http://typo3.fao.org/fileadmin/templates/world-food/Reports_and_docs/Food_price_indices_data_deflated.xls (дата доступа: 02.05.2018).
- Fillipov M., Smutov M.* (2011). Tallinnas avaldasid sajad inimesed meelt pankade ja poliitikute vastu // *Postimees*. 15.10.2011. URL: <https://tallinn.postimees.ee/599232/tallinnas-avaldasid-sajad-inimesed-meelt-pankade-ja-poliitikute-vastu> (дата доступа: 1.04.2018).
- Gamson W. A., Sifry M. L.* (2013). The Occupy Movement: An Introduction // *Sociological Quarterly*. Vol. 54. № 2. C. 159–163.
- Giannakis E., Bruggeman A.* (2017). Economic Crisis and Regional Resilience: Evidence from Greece // *Papers in Regional Science*. Vol. 96. № 3. P. 451–476.
- Gil-Alana L. A.* (2003). A Fractional Multivariate Long Memory Model for the US and the Canadian Real Output // *Economics Letters*. Vol. 81. № 3 P. 355–359.
- Goldstone J. A.* (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press.

- Goldstone J. A.* (2011). Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies // *Foreign Affairs*. Vol. 90. № 3. P. 8–16.
- Goldstone J. A.* (2017). Demographic Structural Theory: 25 Years On // *Cliodynamics*. Vol. 8. № 2. P. 85–112.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustic M., Marshall M., Ufelder J., Woodward M.* (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1. P. 190–208.
- Grasso M. T., Giugni M.* (2016). Protest Participation and Economic Crisis: The Conditioning Role of Political Opportunities // *European Journal of Political Research*. Vol. 55. № 4. P. 663–680.
- Greene R., Kuswa K.* (2012). From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power // *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 42. № 3. P. 271–288.
- Grinin L. E.* (2018). Revolutions: An Insight into a Five Centuries' Trend // *Social Evolution & History*. Vol. 17. № 2. P. 15–39.
- Grinin L., Korotayev A.* (2011). The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future // *World Futures*. Vol. 67. № 8. C. 531–563.
- Grinin L., Korotayev A.* (2012). Does «Arab Spring» Mean the Beginning of World System Reconfiguration? // *World Futures*. Vol. 68. № 7. P. 471–505.
- Grinin L. E., Korotayev A. V.* (2016). Revolution and Democracy: Sociopolitical Systems in the Context of Modernization // *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 10. № 3. P. 118–139.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A.* (2019). Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy. World System and World Values Perspectives. Dordrecht: Springer.
- Gunter M.* (2013). The Kurdish Spring // *Third World Quarterly*. Vol. 34. № 3. P. 441–457.
- Gurr T. R.* (1970). Sources of Rebellion in Western Societies: Some Quantitative Evidence // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 391. № 1. P. 128–144.
- Hammond J. L.* (2015). The Anarchism of Occupy Wall Street // *Science & Society*. Vol. 79. № 2. P. 288–313.
- Hendrix C., Haggard S., Magaloni B.* (2009). Grievance and Opportunity: Food Prices, Political Regime, and Protest. Presentation at the International Studies Association Convention, New York (August, 2009).
- Hoesterey J.* (2013). Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy // *Review of Middle East Studies*. Vol. 47. № 1. P. 56–62.
- Huntington S.* (1968). *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Iranzo A., Farné A.* (2013). Occupy Movements in the Media // *Peace Review*. V. 25. P. 384–391.
- Jensen M., Bang H.* (2013). Occupy Wall Street: A New Political Form of Movement and Community? // *Journal of Information Technology & Politics*. Vol. 10. P. 444–461.

- Jones G. A., Rodgers D.* (2011). The World Bank's World Development Report 2011 on Conflict, Security and Development: A Critique through Five Vignettes // *Journal of International Development*. Vol. 23. № 7. P. 980–995.
- Kavada A.* (2015). Communicating Protest Movements: The Case of Occupy // *tripleC: Communication, Capitalism & Critique*. Vol. 13. № 1. P. 39–54.
- Kavada A.* (2017). Social Movements and the Global Crisis: Organising Communication for Change // *Westminster Papers in Communication and Culture*. Vol. 12. № 1. P. 15–16.
- Kavada A., Dimitriou O.* (2017) Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square // *Brown G., Feigenbaum A., Frenzel F., McCurdy P.* (eds.). *Protest Camps and Social Movements: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance*. Bristol, Chicago: Bristol and Chicago Policy Press. P. 71–90.
- Kerton S.* (2012). Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy // *Social Movement Studies*. Vol. 1. P. 302–308.
- Kohut A.* (2011). The «Haves» and the «Have-Nots» // *The New York Times*. 18 October. Opinion page.
- Korotayev A., Bilyuga S., Belalov I., Goldstone J.* (2018) Oil Prices, Socio-Political Destabilization Risks, and Future Energy Technologies // *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 128. P. 304–310.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A.* (2017). Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality // *Russian Sociological Review*. Vol. 16. № 3. P. 30–57.
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A.* (2016) Egyptian Coup of 2013: An «Econometric» Analysis // *Journal of North African Studies*. Vol. 21. № 3. P. 341–356.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J.* (2015). Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis // *Cross-Cultural Research*. Vol. 49. № 5. P. 461–488.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A.* (2018). A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis // *Democracy and Security*. Vol. 14. № 4. P. 331–357.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I.* (2018). Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis // *Cliodynamics*. V. 9. № 1. P. 59–118.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S.* (2011). A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia // *Cliodynamics*. Vol. 2. № 2. P. 276–303.
- Kuzio T.* (2006). Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 39. № 3. P. 365–386.
- Lagi M., Bertrand K., Bar-Yam Y.* (2011). *The Food Crises and Political Instability in North Africa and the Middle East*. Cambridge: New England Complex Systems Institute.

- Lotan G., Graeff E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I., Boyd D.* (2011). The Arab Spring| The Revolutions Were Tweeted: Information Flows during the 2011 Tunisian and Egyptian Revolutions // *International Journal of Communication*. Vol. 5. P. 1375–1405.
- Matsuzato K.* (2017). The Donbass War: Outbreak and Deadlock // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 25. № 2. P. 175–201.
- Mitrokhin N.* (2015). Infiltration, Instruction, Invasion: Russia's War in the Donbass // *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*. Vol. 1. № 1. P. 219–249.
- Montalvo J. G., Reynal-Querol M.* (2002). Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra.
- Musthaq F.* (2014). Tumult in the Maldives // *Journal of Democracy*. Vol. 25. № 2. P. 164–170.
- Myers D. J.* (2000). The Diffusion of Collective Violence: Infectiousness, Susceptibility, and Mass Media Networks // *American Journal of Sociology*. Vol. 106. № 1. P. 173–208.
- Olson M.* (1963) Rapid Growth as a Destabilizing Force // *Journal of Economic History*. Vol. 23. № 4. P. 529–552.
- Ortmans O., Mazzeo E., Mescherina K., Korotayev A.* (2017). Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis // *Cliodynamics*. Vol. 8. № 2. P. 113–158.
- Pickerill J., Krinsky J.* (2012). Why does Occupy Matter? // *Social Movement Studies*. Vol. 11. P. 279–287.
- Radio Sarajevo. (2011). Sarajevo se pridružilo protestima // Radio Sarajevo. 15.10.2011. URL: <https://www.webcitation.org/6I7Y9ySvj?url=http://www.radiosarajevo.ba/novost/65399> (дата доступа: 01.04. 2018).
- Radio Zet. (2016). Opozycja wciąż w Sejmie. «Będziemy tyle, ile potrzeba!» // Radio Zet. 17.12.2016. URL: <http://archiwum.radiozet.pl/Wiadomosci/Kraj/Protest-przed-Sejmem.-Manifestacja-w-Warszawie-w-poludnie-00033953> (дата доступа: 29.05.2018).
- Reuters.com. (2013). Kiev Protest Gather, EU Dangles Aid Promise // Reuters. 12.12.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/2013/12/12/us-ukraine-idUSBRE9BA04420131212> (дата доступа: 29.05.2018).
- Rexhepi I.* (2011). Nuk Shqetëson «Occupy Prishtina» // KALLXO. 23.10.2011. URL: <http://kallxo.com/gjnk/nuk-shqeteson-occupy-prishtina/> (дата доступа: 1.04.2018).
- Ria.ru. (2011). Более 20 тыс. человек участвуют в демонстрации в столице Йемена // РИА Новости. 03.02.2011. URL: <https://ria.ru/world/20110203/329785877.html> (дата доступа: 29.05.2018).
- Rose R., Mishler W.* (2010). The Impact of Macro-economic Shock on Russians // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 26. № 1. P. 38–57.
- Sigelman L., Simpson M.* (1977). A Cross-National Test of The Linkage between Economic Inequality and Political Violence // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 21. № 1. P. 105–128.

- Skinner J.* (2011). Social Media and Revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as Seen through Three Information Studies Paradigms // Working Papers on Information Systems. Vol. 11. № 169. P. 2–26.
- Slaughter A. M.* (2011). Occupy Wall Street and the Arab Spring // The Atlantic. 07.10.2011. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/10/occupy-wall-street-and-the-arab-spring/246364/> (дата доступа: 17.04.2018).
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A.* (2017). Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-analysis // Cross-Cultural Research. Vol. 51. № 1. P. 26–50.
- Sme.sk.* (2011). Protestovalo sa aj pred sídlom Penty // SME. 15.10.2011. URL: <http://www.sme.sk/c/6099081/protestovalo-sa-aj-pred-sidlom-penty.html> (дата доступа: 1.04.2018).
- Smith B.* (2004). Oil Wealth and Regime Survival in the Developing World, 1960–1999 // American Journal of Political Science. Vol. 48. № 2. P. 232–246.
- START. (2018). Global Terrorism Database. College Park: University of Maryland. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (дата доступа: 18.04.2018).
- Tarrow S., Tilly Ch.* (2007). Contentious Politics and Social Movements // *Boix C., Stokes S. C.* (eds.). The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford: Oxford University Press. P. 435–460.
- Tilly Ch.* (2003). The Politics of Collective Violence. Cambridge: Cambridge University Press.
- Urdal H.* (2004). The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000. Washington: World Bank.
- Waits R.* (2011). V for Vendetta Masks: Who's behind Them? // BBC News Magazine. 20.10.2011. URL: www.bbc.com/news/magazine-15359735 (дата доступа: 1.04.2018).
- Weyland K.* (2009). Bounded Rationality and Policy Diffusion: Social Sector Reform in Latin America. Princeton: Princeton University Press.
- Wilson K.* (2017). Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual. Jerusalem: Databanks International.
- World Bank. (2018). GDP per capita (current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата доступа: 10.06.2018).
- Zekic B.* (2011). Dolazite li sutra na prosvjed? “To je zadnja prilika borbe za ljudskost, bojim se da ćemo postati životinje” // IndexHr. 14.10.2011. URL: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/dolazite-li-sutra-na-prosvjed-to-je-zadnja-prilika-borbe-za-ljudskost-bojim-se-da-cemo-postati-zivotinje/577283.aspx> (дата доступа: 1.04.2018).
- Zogby J.* (2011). Whether in Egypt or America, It Takes Organization to Win // Huff Post World. 22.10.2011. URL: https://www.huffingtonpost.com/james-zogby/arab-spring-elections_b_1026281.html (дата доступа: 29.06.2018).

Echo of the Arab Spring in Eastern Europe: A Quantitative Analysis

Andrey Korotayev

PhD, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University Higher School of Economics
Chief Research Professor, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: akorotayev@gmail.com

Daniil Romanov

Research Assistant, Laboratory for the Monitoring of Sociopolitical Destabilization Risks, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: dm.romanov@me.com

Ilya Medvedev

Research Intern, International Laboratory of Demography and Human Capital, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Address: Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation 119571
E-mail: semyonkot@yandex.ru

The article analyzes the impact of the Arab Spring on destabilization processes in Eastern Europe. The authors show how the success of the Arab revolutions influenced the rise of protest activity in Eastern Europe in 2011. The similarities of the protests in Eastern Europe with the protests of the Arab Spring period are demonstrated. We also analyze ways of borrowing patterns of destabilization. The wave of protest activity after 2011 is compared with the previous wave of protest activity initiated by the global financial-economic crises of 2008–2009. In addition to the external factor of the Arab Spring, the article examines the internal factors of the protest activity of the second wave of the economic crisis associated with the economic crises in Portugal, Italy, Spain, and Greece. The authors define the most typical forms of destabilization for Eastern Europe: anti-government demonstrations, riots, terrorist actions, and guerrilla warfare. The contribution of the Ukrainian Revolution in 2014 to the dynamics of the most violent forms of protest in Eastern Europe is also analyzed. In explaining the special case of Ukraine which breaks with the general trend of Eastern Europe, the authors show that Ukraine experienced a transition from less-violent forms of destabilization (anti-government demonstrations and riots) to more violent ones (guerrilla warfare and terrorist attacks) in 2013–2014. The reasons for the growth of terrorist activity and guerrilla warfare as well as the role of the war in Donbass are discussed. It is shown that though the case of Ukraine is unique for Eastern Europe in the period under study, it has many parallels on a global scale.

Keywords: Arab Spring, Eastern Europe, political instability, anti-government demonstrations, riots, guerrilla warfare, terrorist attacks, CNTS destabilization indices

References

- 24ur.com. (2011) Treba je ustaviti politiko zategovanja pasov. *24ur*, 14.10.2011. Available at: <http://24ur.com/novice/slovenija/shoda-v-ljubljani-in-kopru-nista-prijavljena.html> (accessed 1 April 2018).
- A+1. (2012) Protest continues at Mashtots Park. *A1plus*, 13.02.2012. Available at: <http://www.a1plus.am/55320.html> (accessed 1 April 2018).
- Abusharif I. N. (2014) *Parsing "Arab Spring"*, Doha: Northwestern University in Qatar.

- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017) Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 116, pp. 316–321.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2010) O vozmozhnosti predskazaniya nyneshnego globalnogo krizisa i yego vtoroy volny [About the possibility of predicting the current global crisis and its second wave]. *Ekonomicheskaya politika*, no 6, pp. 39–46.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2011) Explosive Rise in Gold and Oil Prices as a Precursor of a Global Financial and Economic Crisis. *Doklady Mathematics*, vol. 83, no 2, pp. 1–4.
- Akaev A., Sadovnichy V., Korotayev A. (2012) On the dynamics of the world demographic transition and financial-economic crises forecasts. *European Physical Journal Special Topics*, vol. 205, no 1, pp. 355–373.
- Alfa.mk. (2011) Окупирај го Wall Street, окупирај го Скопје. *Алфа ТВ*, 11.10.2011. Available at: <https://web.archive.org/web/20120403142912/http://vesti.alfa.mk/default.aspx?mld=36&eventId=41572> (accessed 1 April 2018).
- Anand M. R., Gupta G. L., Dash R. (2012) *The euro zone crisis and its dimensions and implications*. New Delhi: Department of Economic Affairs (DEA) of the Ministry of Finance.
- Andrews K. T., Biggs M. (2006) The dynamics of protest diffusion: Movement organizations, social networks, and news media in the 1960 sit-ins. *American Sociological Review*, vol. 71, no 5, pp. 752–777.
- Arezki M. R., Bruckner M. (2011) *Food Prices and Political Instability*. Washington: International Monetary Fund.
- Bagheri D. A., Shafie S. M. (2017) Globalization, crisis of meaning and emergence of the fundamentalist identity; the case study of the Islamic State of Iraq and Syria (ISIS). *Journal of Globalization Studies*, vol. 8, no 1, pp. 139–155.
- Banks A. S., Wilson K. A. (2018) *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International. Available at: <http://www.databanksinternational.com> (accessed 5 June 2018).
- Barber B. (2003) *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*, Berkeley: University of California Press.
- BBC. (2015) Moldova anger grows over banking scandal. *BBC News*, 14.09.2015. Available at: <http://www.bbc.com/news/world-europe-34244341> (accessed: 29 May 2018).
- Beck C. J. (2011) The world-cultural origins of revolutionary waves: five centuries of European contention. *Social Science History*, vol. 35, no 2, pp. 167–207.
- Beck C. J. (2014) Reflections on the revolutionary wave in 2011. *Theory and Society*, vol. 43, no 2, pp. 197–223.
- Beehner L. (2018) Fragile states and the territory conundrum to countering violent nonstate actors. *Democracy and Security*, vol. 14, no 2, pp. 101–127.
- Beissinger M. R. (2002) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Beissinger M. R. (2007) Structure and example in modular political phenomena: The diffusion of bulldozer/rose/orange/tulip revolutions. *Perspectives on Politics*, vol. 5, no 2, pp. 259–276.
- Beissinger M., Jamal A., Mazur K. (2015) Explaining divergent revolutionary coalitions: Regime strategies and the structuring of participation in the Tunisian and Egyptian revolutions. *Comparative Politics*, vol. 48, no. 1, pp. 1–24.
- Blic.rs. (2011) Rim u plamenu, više od 70 povređenih u okršajima "ogorčenih" sa policijom. *Blic*, 15.10.2011. Available: <https://web.archive.org/web/20111017171416/http://www.blic.rs/Vesti/Svet/283383/Sirom-sveta-protesti-Ogorcenih-pridruzio-se-i-Beograd> (accessed 1 April 2018).
- Bogaert K. (2011) Global dimensions of the Arab Spring and the potential for anti-hegemonic politics. *Jadaliyya*, no 21, pp. 1–3.
- Bogaert K. (2013) Contextualizing the Arab revolts: The politics behind three decades of neoliberalism in the Arab world. *Middle East Critique*, vol. 22, no 3, pp. 213–234.
- Breau S. (2014) The occupy movement and the top 1% in Canada. *Antipode*, vol. 46, no 1, pp. 13–33.
- Brockhoff S., Krieger T., Meierrieks D. (2015) Great Expectations and Hard Times: The (Nontrivial) Impact of Education on Domestic Terrorism. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 59, no 7, pp. 1186–1215.

- Bunce V. J., Wolchik S. L. (2006) International diffusion and post-communist electoral revolutions. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, no 3, pp. 283–304.
- Byzov L. (2013) Politicheskiye tsveta novorusskogo protesta [Political colors of the New Russian protest]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, no 1, pp. 27–32.
- Chaisty P., Whitefield S. (2013) Forward to democracy or back to authoritarianism? The attitudinal bases of mass support for the Russian election protests of 2011–2012. *Post-Soviet Affairs*, vol. 29, no 5, pp. 387–403.
- Charnock G., Purcell T., Ribera-Fumaz R. (2014) *The Limits to Capital in Spain*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Clark D., Regan P. (2018) *Mass Mobilization Protest Data*, Cambridge: Harvard University. Available at: <https://dataverse.harvard.edu/dataverse/MMdata> (accessed 5 May 2018).
- Currie K. (2012) Asia and the Arab Spring. *Culture and Society*, vol. 2012, pp. 294–297. Available: https://www.iemed.org/observatori-en/arees-danalisi/arxius-adjunts/anuari/med.2012/currie_en.pdf (accessed 5 June 2018).
- Danjibo N. (2013) The aftermath of the Arab spring and its implication for peace and development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. *Strategic Review for Southern Africa*, vol. 35, no 2, pp. 16–34.
- Davies J. C. (1962) Toward a theory of revolution. *American Sociological Review*, vol. 27, no 1, pp. 5–19.
- DeNardo J. (2014) *Power in Numbers: The Political Strategy of Protest and Rebellion*, Princeton: Princeton University Press.
- Denik.cz. (2011) Až 300 lidí demonstrovalo proti vládám a finančníkům. *Denik*, 15.10.2011. Available at: https://www.denik.cz/z_domova/demonstranti-v-praze-protestuji-proti-soucasne.html (accessed 1 April 2018).
- Di Stefano G., Piacentino B., Ruvolo G. (2017) Mentalizing in Organizations: A Psychodynamic Model for an Understanding of Well-Being and Suffering in the Work Contexts. *World Futures*, vol. 73, no 4–5, pp. 216–223.
- Dowe H. (2001) *Europe in 1848: Revolution and Reform*, New York: Berghahn Books.
- Duyvendak J. W., Giugni M. G. (1995) Social movement types and policy domains. *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis* (eds. H. Kriesi, R. Koopmans, J. W. Duyvendak, M. Giugni), Minneapolis: University of Minnesota Press, pp. 82–110.
- Dumskaya.net (2015) Terakty po-odesski: opyt predkov i sovremennyye tendentsii (infografika) [Terror acts in Odessa: the experience of ancestors and modern trends (infographics)]. *Dumskaya*, 06.03.2015. Available at: <http://dumskaya.net/news/25-teraktov-kogo-i-kak-vzryvayut-v-odesse-infogr-044308/> (accessed 29 May 2018).
- Ekho Moskvy (2012) Dmitriy Peskov poobeshchal razognat lager oppozitsii na Chistyykh prudakh [Dmitry Peskov promised to disperse the opposition camp on the Clean Ponds]. *Ekho Moskvy*, 11.05.2012. Available at: <https://echo.msk.ru/news/887291-echo.html> (accessed 1 April 2018).
- Epress.am (2018) Pashinyan to Negotiate with Authorities on behalf of People. *Epress*, 21.04.2018. Available at: <http://epress.am/en/2018/04/21/thousands-reconvene-anti-government-protests-across-armenia-dozens-detained-live-thread.html> (accessed 6 June 2018).
- Erde J. (2014) Constructing archives of the Occupy movement. *Archives and Records*, vol. 35, no 2, pp. 77–92.
- Erdogan A. (2013) From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*, vol. 12, no 3, pp. 17–31.
- Euronews. Com. (2011) Yemen: tysyachi manifestantov v Sanaa trebuyut otstavki prezidenta [Yemen: thousands of demonstrators in Sanaa demand the resignation of the president]. *Euronews*, 29.05.2018. Available at: <http://ru.euronews.com/2011/01/27/growing-anti-regime-protests-spread-to-yemen> (accessed 29 June 2018).
- Europol. (2018) *EU terrorism situation and report 2018 (TESAT 2018)*. The Hague: European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. Available at: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018> (accessed 7 June 2018).
- Fadaee S., Schindler S. (2014) The Occupy Movement and the Politics of Vulnerability. *Globalizations*, vol. 11, no 6, pp. 777–791.

- FAO (2018) *Monthly Real Food Price Indices*, Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nation. Available at: http://typo3.fao.org/fileadmin/templates/worldfood/Reports_and_docs/Food_price_indices_data_deflated.xls (accessed 2 May 2018).
- Fillipov M., Smutov M. (2011) Tallinnas avaldasid sajad inimesed meelt pankade ja poliitikute vastu. *Postimees*, 15.10.2011. Available at: <https://tallinn.postimees.ee/599232/tallinnas-avaldasid-sajad-inimesed-meelt-pankade-ja-poliitikute-vastu> (accessed 1 April 2018).
- FOM (2011) Dinamika tsen [Dynamic of Prices]. Available at: <http://bd.fom.ru/pdf/d29dc11.pdf> (accessed 1 June 2018).
- FOM (2011) Uroven protestnykh nastroyeniy [The Level of Protest Moods]. Available at: <http://bd.fom.ru/pdf/d30yppn11.pdf> (accessed 1 June 2018).
- Gamson W. A., Sifry M. L. (2013) The# Occupy movement: an introduction. *The Sociological Quarterly*, vol. 54, no 2, pp. 159–163.
- Giannakis E., Bruggeman A. (2017) Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece. *Papers in Regional Science*, vol. 96, no 3, pp. 451–476.
- Gil-Alana L. A. (2003) A fractional multivariate long memory model for the US and the Canadian real output. *Economics Letters*, vol. 81, no 3, pp. 355–359.
- Glinkina S., Kulikova N., Sinitsina I. (2014) *Strany Tsentral'no-Vostochnoy Yevropy: yevrointegratsiya i ekonomicheskiy rost* [The Countries of Central and Eastern Europe: European Integration and Economic Growth], Moscow: Institute of Economics RAS.
- Goldstone J. A. (1991) *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. (2011) Understanding the revolutions of 2011: weakness and resilience in Middle Eastern autocracies. *Foreign Affairs*, vol. 90, no 3, pp. 8–16.
- Goldstone J. A. (2017) Demographic Structural Theory: 25 Years On. *Cliodynamics*, vol. 8, no 2, pp. 85–112.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustic M., Marshall M., Ufelder J., Woodward M. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*, vol. 54, no 1, pp. 190–208.
- Grasso M. T., Giugni M. (2016) Protest participation and economic crisis: The conditioning role of political opportunities. *European Journal of Political Research*, vol. 55, no 4, pp. 663–680.
- Greene R., Kuswa K. (2012) From the Arab Spring to Athens, From Occupy Wall Street to Moscow: Regional Accents and the Rhetorical Cartography of Power. *Rhetoric Society Quarterly*, vol. 42, no 3, pp. 271–288.
- Grinin L. (2017) Russkaya revolyutsiya i lovushki modernizatsii [The Russian Revolution and Modernization Traps]. *Polis (Russian Federation)*, no 4, pp. 138–155.
- Grinin L. (2018) Revolutions: an insight into a five centuries' trend. *Social Evolution & History*, vol. 17, no 2, pp. 15–39.
- Grinin L., Issaev L., Korotayev A. (2016) *Revolutsii i nestabilnost na Blizhnem Vostoke* [Revolutions and instability in the Middle East], Moscow: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A. (2011) The coming epoch of new coalitions: Possible scenarios of the near future. *World Futures*, vol. 67, no 8, pp. 531–563.
- Grinin L., Korotayev A. (2012) Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures*, vol. 68, no 7, pp. 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. (2016) Revolution and democracy: Sociopolitical systems in the context of modernisation. *Central European Journal of International and Security Studies*, vol. 10, no 3, pp. 118–139.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. (2019) *Islamism, Arab Spring, and the Future of Democracy: World System and World Values Perspectives*, Dordrecht: Springer.
- Gunter M. (2013) The Kurdish Spring. *Third World Quarterly*, vol. 34, no 3, pp. 441–457.
- Gurr T. R. (1970) Sources of rebellion in Western societies: Some quantitative evidence. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 391, no 1, pp. 128–144.
- Hammond J. L. (2015) The anarchism of occupy Wall Street. *Science & Society*, vol. 79, no. 2, pp. 288–313.

- Hendrix, C., Haggard, S., & Magaloni, B. (2009) Grievance and opportunity: Food prices, political regime, and protest. Presentation at the International Studies Association Convention, New York (August, 2009).
- Hoesterey J. (2013) Is Indonesia a Model for the Arab Spring? Islam, Democracy, and Diplomacy. *Review of Middle East Studies*, vol. 47, no 1, pp. 56–62.
- Huntington S. (1968) *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
- Iranzo A., Farné A. (2013) Occupy Movements in the Media. *Peace Review*, vol. 25, pp. 384–391.
- Issaev L. (2012) Plemennaya revolyutsiya po-yemenski [Yemeni Tribal Revolution] // *Neprikosnovennyy zapas*, no 4, pp. 178–187.
- Issaev L., Korotayev A. (2014) Egiptskiy perevorot 2013 goda: opyt ekonometricheskogo analiza [Egyptian coup of 2013: an econometric analysis]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 2, pp. 14–20.
- Issaev L., Shishkina A. (2012) *Siriya i Yemen: neokonchennyye revolyutsii* [Syria and Yemen: Unfinished Revolutions], Moscow: LIBROKOM.
- Ivanov E., Shishkina A. (2018) Agflyatsiya i riski sotsialno-politicheskoy destabilizatsii v postsovetsoy Tsentralnoy Azii [Agflation and Sociopolitical Destabilization Risks in Post-Soviet Central Asia]. *Sistemnyy monitoring global'nykh i regional'nykh riskov*, vol. 9, pp. 452–469.
- Jensen M., Bang H. (2013) Occupy Wall Street: A New Political Form of Movement and Community? *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 10, pp. 444–461.
- Jones G. A., Rodgers D. (2011) The World Bank's World Development Report 2011 on conflict, security and development: a critique through five vignettes. *Journal of International Development*, vol. 23, no 7, pp. 980–995.
- Kavada A. (2015) Communicating Protest Movements: The Case of Occupy. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique. Open Access Journal for a Global Sustainable Information Society*, vol. 13, no 1, pp. 39–54.
- Kavada A. (2017) Social Movements and the Global Crisis: Organising Communication for Change. *Westminster Papers in Communication and Culture*, vol. 12, no 1, pp. 15–16.
- Kavada A., Dimitriou O. (2017) Protest Spaces Online and Offline: The Indignant Movement in Syntagma Square. *Protest Camps and Social Movements: Spaces, Infrastructures and Media of Resistance* (eds. G. Brown, A. Feigenbaum, F. Frenzel, P. McCurdy), Bristol, Chicago: Bristol and Chicago Policy Press, pp. 71–90.
- Kerton S. (2012) Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy. *Social Movement Studies*, vol. 1, pp. 302–308.
- Kohut A. (2011) The “Haves” and the “Have-Nots”. *The New York Times*, 18 October, opinion page.
- Korotayev A. (2014) O vozmozhnykh ekonomiko-psikhologicheskikh faktorakh ukrainskoy revolyutsii 2014 goda [On the possible economic and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, vol. 7, no 1, pp. 56–74.
- Korotayev A., Bilyuga S., Belalov I., Goldstone J. (2018) Oil prices, socio-political destabilization risks, and future energy technologies. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 128, pp. 304–310.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2017) VVP na dushu naseleniya, intensivnost' antipravitel'stvennykh demonstratsiy i uroven' obrazovaniya. Kross-natsionalnyi analiz [GDP per capita, Anti-Government Demonstration Intensity, and Education Level. A Cross-National Analysis]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, no 1, pp. 127–143.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2017) Ekonomicheskyy rost i sotsialno-politicheskaya destabilizatsiya: opyt globalnogo analiza [Correlation between GDP per capita and protest intensity: A quantitative analysis]. *Polis (Russian Federation)* no 2, pp. 155–169.
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 52, no 4, pp. 406–440.
- Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. (2017) Economic development, sociopolitical destabilization and inequality. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 3, pp. 30–57.
- Korotayev A., Grinin L., Issaev L., Bilyuga C., Vaskin I., Slinko E., Shishkina A., Meshcherina K. (2017) *Destabilizatsiya: globalnyye, natsionalnyye, prirodnyye faktory i mekhanizmy* [Destabilization: Global, National, Natural Factors and Mechanisms], Volgograd.: Uchitel.

- Korotayev A., Issaev L. (2014) Anatomiya egipetskoy kontrrevolyutsii [Anatomy of the Egyptian counter-revolution]. *World Economy and International Relations*, no 8, pp. 91–100.
- Korotayev A., Issaev L. (2015) Yemen: neizvestnaya revolyutsiya i mezhdunarodnyy konflikt [Yemen: Unknown Revolution and International Conflict]. *World Economy and International Relations*, no 8, pp. 71–81
- Korotayev A., Issaev L., Shishkina A. (2016) Egyptian coup of 2013: an 'econometric' analysis. *The Journal of North African Studies*, vol. 21, no 3, pp. 341–356.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013-2014: A cross-national analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no 5, pp. 461-488.
- Korotayev A., Khokhlova A., Tsirel C. (2018) Bezrobotitsa kak prediktor sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii v stranakh Zapadnoy i Vostochnoy Yevropy [Unemployment as a predictor of socio-political destabilization in Western and Eastern Europe]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 19, no 2, pp. 118–167.
- Korotayev A., Malkov S. (2014) Lovushka na vykhode iz maltuzianskoy lovushki v sovremennykh moderniziruyushchikhsya obshchestvakh [A Trap at the Escape from the Malthusian Trap in Modern Modernizing Societies]. *Istoriya i matematika*, vol. 9, pp. 43–98.
- Korotayev A., Meshcherina K., Kulikova E., Delyanov V. (2017) Arabskaya vesna i yego globalnoye ekho: kolichestvennyy analiz [Arab Spring and its global echo: quantitative analysis]. *Sravnitel'naya Politika-Comparative Politics*, vol. 8., no 4, pp. 113–126.
- Korotayev A., Meshcherina K., Issaev L., Iskoskov A., Hern W., Delianov V., Kulikova Y. (2016) Arabskaya vesna kak trigger globalnoy sotsialno-politicheskoy destabilizatsii: opyt sistematicheskogo analiza [The Arab Spring as a trigger for global socio-political destabilization: a systematic analysis]. *Sistemnyy monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 7, p. 22–126.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. (2018) A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security*, vol. 14, no 4, pp. 331–357.
- Korotayev A., Romanov D., Bilyuga S., Khaltourina D. (2018) Vliyaniye udelnogo chisla internet-polzovateley na potentsial destabilizatsii: predvaritelnyy kolichestvennyy analiz [The impact of the proportion of Internet users on the destabilization potential: a preliminary quantitative analysis]. *Sistemnyy monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 9, pp. 222–247.
- Korotayev A., Shishkina A., Issaev L. (2016) Arabskaya vesna kak trigger globalnogo fazovogo perehoda? [Arab spring as a global phase transition trigger?]. *Polis (Russian Federation)*, no 3, pp. 108–122.
- Korotayev A., Shishkina A., Lukhmanova Z. (2017) Volna globalnoy sotsialno-politicheskoy destabilizatsii 2011-2015 gg.: kolichestvennyy analiz [The wave of global sociopolitical destabilization of 2011-2015: a quantitative analysis]. *Polis (Russian Federation)*, no 6, pp. 150–168.
- Korotayev A., Tsirel S., Bilyuga S. (2019) Korruptsiya, tsennosti i popytki nasilstvennykh izmenenii gosudarstvennoi vlasti v stranakh s razlichnym urovnem VVP na dushu naseleniia: opyt kolichestvennogo komparativnogo i korreliatsionnogo analiza [Corruption, Human Values and Attempts of Violent Changes of Government in Countries with Various Levels of Per Capita GDP: A Comparative Quantitative Analysis]. *Sravnitel'naya Politika-Comparative Politics*, no 1, pp. 98–123.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S. (2017) Gipoteza Olsona — Huntingtona o krivolinyeynoy zavisimosti mezhdou urovnem ekonomicheskogo razvitiya i sotsialno-politicheskoy destabilizatsiei: opyt kolichestvennogo analiza [Olson-Huntington hypothesis on a bell-shaped relationship between the level of economic development and sociopolitical destabilization: A quantitative analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 1, pp. 9–49.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Clodynamics*, vol. 9, no 1, pp. 59–118.
- Korotayev A., Zinkina J. (2011) Egipetskaya revolyutsiya 2011 goda: sotsiodemograficheskiy analiz [Egyptian Revolution of 2011: A Sociodemographic Analysis]. *Istoriicheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, vol. 4, no 2, pp. 5–29.

- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. (2011) A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Clodynamics*, vol. 2, no 2, pp. 276–303.
- Kuzio T. (2006) Civil society, youth and societal mobilization in democratic revolutions. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 39, no 3, pp. 365–386.
- Lagi M., Bertrand K., Bar-Yam Y. (2011) *The Food Crises and Political Instability in North Africa and the Middle East*, Cambridge: New England Complex Systems Institute.
- Lotan G., Graeff E., Ananny M., Gaffney D., Pearce I., Boyd D. (2011) The Arab Spring| The revolutions were tweeted: Information flows during the 2011 Tunisian and Egyptian revolutions. *International Journal of Communication*, vol. 5, pp. 1375–1405.
- Malkov S., Korotayev A., Bilyuga S., Osipov D. (2017) K voprosu o nekotorykh yestestvenno-prirodnnykh faktorakh sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii [Some environmental factors of sociopolitical destabilization]. *Informatsionnyye voyny*, vol. 3, no 43, pp. 56–69.
- Malkov S., Korotayev A., Issaev L., Kuzminova E. (2013) O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsialnoy nestabilnosti: opyt kolichestvennogo analiza sobytiy Arabskoy vesny [On the methodology for assessing the current state and predicting social instability: a quantitative analysis of the events of the Arab Spring]. *Polis (Russian Federation)*, no 4, pp. 137–162.
- Matsuzato K. (2017) The Donbass War: Outbreak and Deadlock. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 25, no 2, pp. 175–201.
- Mitrokhin N. (2015) Infiltration, instruction, invasion: Russia's war in the Donbass. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, vol. 1, no 1, pp. 219–249.
- Montalvo J. G., Reynal-Querol M. (2002) *Why Ethnic Fractionalization? Polarization, Ethnic Conflict and Growth*, Barcelona: Universitat Pompeu Fabra.
- Musthaq F. (2014) Tumult in the Maldives. *Journal of Democracy*, vol. 25, no 2, pp. 164–170.
- Myers D. J. (2000) The diffusion of collective violence: Infectiousness, susceptibility, and mass media networks. *American Journal of Sociology*, vol. 106, no 1, pp. 173–208.
- Nazarov M. (1995) Politicheskii protest: opyt empiricheskogo analiza [Political protest: the experience of empirical analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no. 1, pp. 47–59.
- Olson M. (1963) Rapid Growth as a Destabilizing Force. *Journal of Economic History*, vol. 23, no 4, pp. 529–552.
- Ortmans O., Mazzeo E., Mescherina K., Korotayev A. (2017) Modeling Social Pressures toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Clodynamics*, vol. 8, no 2, pp. 113–158.
- Penkovtsev P., Mokbel X. (2017) Vliyaniye sobytiy "arabskoy vesny" na politicheskuyu situatsiyu v Respublike Yemen [Influence of the Arab Spring Events on the Political Situation In The Republic Of Yemen]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, vol. 9., no 6-2, pp. 183–188.
- Pickerill, J., Krinsky, J. (2012) Why does Occupy Matter? *Social Movement Studies*, vol. 11, pp. 279–287.
- Radio Sarajevo (2011) Sarajevo se pridružilo protestima. *Radio Sarajevo*, 15.10.2011. Available at: <https://www.webcitation.org/6l7Y9ySvj?url=http://www.radiosarajevo.ba/novost/65399> (accessed 1 April 2018).
- Radio Zet (2016) Opozycja wciąż w Sejmie. „Będziemy tyle, ile potrzeba!”. *Radio Zet*, 17.12.2016. Available at: <http://archiwum.radiozet.pl/Wiadomosci/Kraj/Protest-przed-Sejmem.-Manifestacja-w-Warszawie-w-poludnie-00033953> (accessed 29 May 2018).
- Reuters.com (2013) Kiev protest gather, EU danglers aid promise. *Reuters*, 12.12.2013. Available at: <https://www.reuters.com/article/2013/12/12/us-ukraine-idUSBRE9BA04420131212> (accessed 29 June 2018).
- Rexhepi I. (2011) Nuk Shqetëson 'Occupy Prishtina'. *KALLXO*, 23.10.2011. Available at: <http://kallxo.com/gjnk/nuk-shqeteson-occupy-prishtina/> (accessed 1 April 2018).
- Ria.ru (2011) Boleye 20 tys. chelovek uchastvuyut v demonstratsii v stolitse Yemena [More than 20 thousand people participate in the demonstration in the capital of Yemen]. *RIA Novosti*, 03.02.2011. Available at: <https://ria.ru/world/20110203/329785877.html> (accessed 29 May 2018).
- Romanov D., Bilyuga S., Khaltourina D. (2018) Svyaz "molodezhnykh bugrov" s yavleniyami sotsial'no-politicheskoy destabilizatsii [The connection of "youth bulges" with the phenomena

- of socio-political destabilization]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 9, pp. 181–221.
- Rose R., Mishler W. (2010) The impact of macro-economic shock on Russians. *Post-Soviet Affairs*, vol. 26, no 1, pp. 38–57.
- Sigelman L., Simpson M. (1977) A cross-national test of the linkage between economic inequality and political violence. *Journal of Conflict Resolution*, vol. 21, no 1, pp. 105–128.
- Skinner J. (2011) Social media and revolution: The Arab Spring and the Occupy Movement as seen through three information studies paradigms. *Working Papers on Information Systems*, vol. 11, no 169, pp. 2–26.
- Slaughter A. M. (2011) Occupy Wall Street and the Arab Spring. The Atlantic. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/10/occupy-wall-street-and-the-arab-spring/246364/> (accessed 17 April 2018).
- Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime type and political destabilization in cross-national perspective: a re-analysis. *Cross-Cultural Research*, vol. 51, no 1, pp. 26–50.
- Sme.sk. (2011) Protestovalo sa aj pred sídlom Penty. *SME*, 15.10.2011. Available at: <http://www.sme.sk/c/6099081/protestovalo-sa-aj-pred-sidlom-penty.html> (accessed 1 April 2018).
- Smith B. (2004) Oil wealth and regime survival in the developing world, 1960–1999. *American Journal of Political Science*, vol. 48, no 2, pp. 232–246.
- Sobolev A. (2013) Geografiya, tekhnologii i politika: faktory kollektivnogo protesta v Rossii 2011–2012 godov [Geography, technology and politics: factors of collective protest in Russia 2011–2012]. *Sociology of Power*, no. 4, pp. 104–118.
- START (2018) *Global Terrorism Database*, College Park: University of Maryland. Available at: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed 18 April 2018).
- Tarrow S., Tilly Ch. (2007) Contentious politics and social movements. *The Oxford Handbook of Comparative Politics* (eds. C. Boix, S. C. Stokes), Oxford: Oxford University Press, pp. 435–460.
- Tilly Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Tsirel S. (2012) Usloviya voznikoveniya revolyutsionnykh situatsiy v arabskikh stranakh [Conditions for the occurrence of revolutionary situations in the Arab countries]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 3, pp. 162–173.
- Tsirel S. (2015) K istokam urkainskikh revolyutsyonykh sobytyi 2013–2014 [to the origins of Ukrainian revolutionary events]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 6, pp. 57–83.
- Ukrainskaya pravda (2012) V Rumynii protesty uvolili pravitel'stvo [In Romania, protests fired the government]. *Ukrainskaya Pravda*, 06.02.2012. Available at: <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2012/02/6/6954905/> (accessed 1 May 2018).
- Urdal H. (2004) *The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000*, Washington: World Bank.
- Urnov M. (2008) *Emotsii v politicheskom povedenii* [Emotions in Political Behavior], Moscow: Aspect Press.
- Vaskin I., Korotayev A., Tsirel S. (2018) Ekonomicheskii rost, obrazovaniye i terrorizm: opyt kolichestvennogo analiza [Economic development, education, and terrorism: A quantitative analysis]. *Sociological Journal*, vol. 24, no 2, pp. 28–65.
- Waits R. (2011) V for Vendetta masks: Who's behind them? *BBC News Magazine*, 20.10.2011. Available at: www.bbc.com/news/magazine-15359735 (accessed 1 April 2018).
- Weyland K. (2009) *Bounded Rationality and Policy Diffusion: Social Sector Reform in Latin America*, Princeton: Princeton University Press.
- Wilson K. (2017) *Cross-National Time-Series Data Archive: User's Manual*, Jerusalem: Databanks International.
- World Bank (2018) GPD per capita (current US\$). Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed 10 June 2018).
- Yashlavsky A. (2018) Mezhdud soblaznom i prinuzhdeniyem: "myagkaya sila" IGIL [Between lure and coercion: ISIS's "soft power"]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 7, pp. 27–37.
- Zamyatnina Y. (2018) Obrazovaniye i sotsial'no-politicheskaya destabilizatsiya: sistematcheskii obzor [Education and socio-political destabilization: a systematic review]. *Sistemnyi monitoring globalnykh i regionalnykh riskov*, vol. 8, pp. 219–232.

- Zekic B. (2011) Dolazite li sutra na prosvjed? "To je zadnja prilika borbe za ljudskost, bojim se da ćemo postati životinje". *IndexHr*, 14.10.2011. Available at: <http://www.index.hr/vijesti/clanak/dolazite-li-sutra-na-prosvjed-to-je-zadnja-prilika-borbe-za-ljudskost-bojim-se-da-cemo-postati-zivotinje/577283.aspx> (accessed 1 April 2018).
- Zogby J. (2011) Whether in Egypt or America, it takes organization to win. *Huff Post World*, 22.10.2011. Available at: https://www.huffingtonpost.com/james-zogby/arab-spring-elections_b_1026281.html (accessed 29 June 2018).